

Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова

Гуманитарно-педагогические исследования

*Научный журнал
(издается с 2017 г. четыре раза в год)*

2023 Т. 7 № 2

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», 2023

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – регистрационный номер ПИ № ФС77-79220 от 22.09.2020.

Учредитель - Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
(д. 38, пр. Ленина, г. Магнитогорск, Челябинская обл., Россия, 455000).

16+ в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ от 29.12.2010.

Адрес редакции: д. 26, пр. Ленина, к.12А, г. Магнитогорск, Челябинская область, 455000.
Тел. 8(3519) 229961. E-mail: igo@magtu.ru

В оформлении обложки номера использовался фотоколлаж А. В. Андреева

Научная подготовка выпусков журнала осуществляется преподавателями Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова».

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 45/2,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», участок оперативной полиграфии
Выход в свет 30.06.2023. Заказ 216. Тираж 500 экз. Цена свободная

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Humanitarian and pedagogical Research

Scientific Journal
(published since 2017 four times a year)

2023 VOL. 7 No. 2

© Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education
Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2023

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications – registration number PI No. FS77-79220 dated 2020.09.22.

Founder -Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, Lenin St., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000).

16+ in accordance with Federal Law #436-FZ dated 29.12.2010.

Editorial office: 26, Lenin St., 12A. Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Phone: +7(3519) 229961, E-mail: igo@magtu.ru.

A photo collage by Arseniy Andreev is used in the design of this issue cover.

The scientific preparation of the journal is carried out by the lecturers of the Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Editorial office:

45/2 Karla Marksaprospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Printing office:

38 Lenin prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Publication date: 30.06.2023. Order 216. Circulation: 500. Open price.

Редакционная коллегия

Главный редактор – д-р филол. наук *Абрамзон Татьяна Евгеньевна* (Магнитогорск)
Зам. главного редактора – д-р пед. наук *Елена Николаевна Рашикулина* (Магнитогорск)
Ответственный редактор – канд. филол. наук *Светлана Леонидовна Андреева* (Магнитогорск)
Технический редактор – *Чурилов Владимир Васильевич* (Магнитогорск)

Редакционный совет

Раздел I. Образование и педагогические науки

Бобыкина Ирина Александровна – д-р пед. наук (Челябинск)
Гневэк Ольга Владимировна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Кружилина Тамара Васильевна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Лешер Ольга Вениаминовна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Орехова Татьяна Федоровна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Павлова Любовь Владимировна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Пономарева Любовь Дмитриевна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Савва Любовь Ивановна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Сайгушев Николай Яковлевич – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Кувшинова Ирина Александровна – канд. пед. наук (Магнитогорск)
Испулова Светлана Николаевна – канд. пед. наук (Магнитогорск)

Раздел II. Общественные науки

Джустини Мария Тереза – проф. (Кьети, Италия)
Дубинин Сергей Николаевич – д-р психол. наук (Костанай, Казахстан)
Желеску Петр Степанович – проф., доктор психол. наук (Кишинев, Молдова)
Потемкина Марина Николаевна – д-р ист. наук (Магнитогорск)
Коробков Юрий Дмитриевич – д-р ист. наук (Магнитогорск)
Маралов Владимир Георгиевич – д-р психол. наук (Череповец)
Мусийчук Мария Владимировна – д-р филос. наук (Магнитогорск)
Филатов Владимир Викторович – д-р ист. наук (Магнитогорск)
Макарова Надежда Николаевна – канд. ист. наук (Магнитогорск)
Чернобровкин Владимир Александрович – канд. филос. наук (Магнитогорск)
Мережников Андрей Петрович – канд. психол. наук (Магнитогорск)

Раздел III. Филологические науки

Антропова Людмила Ильинична – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Воролицева Татьяна Александровна – д-р филол. наук (Челябинск)
Жунусова Жаныл Ныгизбаевна – д-р филол. наук (Нур-Султан, Казахстан)
Исакова Сабир Сагынбековна – д-р филол. наук (Актобе, Казахстан)
Песина Светлана Андреевна – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Питина Светлана Анатольевна – д-р филол. наук (Челябинск)
Савельев Константин Николаевич – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Чурилина Любовь Николаевна – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Шулешкова Светлана Григорьевна – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Безруков Андрей Николаевич – канд. филол. наук (Бирск)
Емец Татьяна Владимировна – канд. филол. наук (Магнитогорск)
Пустовойтова Ольга Васильевна – канд. филол. наук (Магнитогорск)

Редактор части журнала на английском языке

Ломакина Екатерина Александровна – канд. филол. наук (Магнитогорск)
Лукина Оксана Анатольевна – канд. пед. наук (Магнитогорск)

Editorial team

Editor-in-Chief - *Tatiana E. Abramzon*, Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Deputy editor-in-chief – *Elena N. Rashchikulina*, Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Managing editor - *Svetlana L. Andreeva*, Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Technical Editor - *Vladimir V. Churilov* (Magnitogorsk, Russia)

Editorial Council

Section I. Education and Pedagogical Sciences

Irina A. Bobykina – Doctor of Science in Pedagogy (Chelyabinsk, Russia)
Ol'ga V. Gnevек – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Tamara V. Krujilina – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Olga V. Leshер – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Tatiana F. Orehova – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Ljubov' D. Ponomareva – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Lyubov V. Pavlova – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Ljubov' I. Savva – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Nikolai N. Saigushev – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Irina A. Kuvshinova – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana N. Ispulova – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Section II. Social Sciences

Maria Teresa Giusti – Adjunct Professor of Contemporary History and Social History, PhD Dpt. of Literature, Arts and Social Sciences (Chieti, Italy)
Sergey N. Dubinin – Doctor of Science in Psychology (Kostanay, Kazakhstan)
Petru Jelescu – Doctor of Science in Psychology (Kishinev, Republica Moldova)
Marina N. Potemkina – Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Yuriy D. Korobkov – Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir G. Maralov – Doctor of Science in Psychology (Cherepovets, Russia)
Maria V. Musiychuk – Doctor of Science in Philosophy (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir V. Filatov – Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Nadezhda N. Makarova – Candidate of History (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir A. Chernobrovkin – Candidate of Philosophy (Magnitogorsk, Russia)
Andrey P. Merezchnikov – Candidate of Psychology (Magnitogorsk, Russia)

Section III. Philology

Ludmila I. Antropova – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Zhanyl N. Zhunussova – Doctor of Science in Philology (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Tatyana A. Vorontsova – Doctor of Science in Philology (Chelyabinsk, Russia)
Sabira S. Issakova – Doctor of Science in Philology (Aktobe, Kazakhstan)
Svetlana A. Pesina – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana A. Pitina – Doctor of Science in Philology (Chelyabinsk, Russia)
Konstantin N. Savelyev – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Lyubov N. Churilina – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana G. Shulezhkova – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Andrei N. Bezrukov – Candidate of Philology (Birk Russia)
Tatiana V. Emets – Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Olga V. Pustovoi'tova – Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)

Editor of the issue of the journal in English

Yekaterina A. Lomakina – Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Oxana A. Lukina – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	6
МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	6
<i>Е. Н. Макарова</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА ПУТЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ – СТУДЕНТ».....	6
<i>С. Лайш</i>	
ВЛИЯНИЕ ПОКАЗАТЕЛЯ ДИСТАНЦИИ ВЛАСТИ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «УЧИТЕЛЬ- УЧЕНИК-УЧИТЕЛЬ» В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ КЛАССАХ.....	14
II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ	23
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	23
<i>Ю. Д. Коробков</i>	
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА О БЕДНОСТИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК)	23
<i>Л. М. Конев, Н. С. Королёв</i>	
ЦЕНА УЧАСТИЯ В ПРОТЕСТНОМ ДВИЖЕНИИ УЧЕНИЦ УРАЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	30
III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	36
ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО- СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА	36
<i>Н. И. Коробкина</i>	
ДИАЛЕКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ АККОМОДАЦИИ ...	36
<i>О. Е. Чернова</i>	
КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ О ЗДОРОВЬЕ	42
ЖУРНАЛИСТИКА	49
<i>А. М. Максимова</i>	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ИНФОРМАЦИОННОЙ ЗАМЕТКИ В НОВОСТНЫХ TELEGRAM- КАНАЛАХ	49
VI. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	55
<i>А. А. Осипова</i>	
«УЧИТЕЛЬ! ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ ПОЗВОЛЬ СМИРЕННО ПРЕКЛОНИТЬ КОЛЕНИ...» : С. А. ЩУЛЕПНИКОВ – ПЕДАГОГ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ, ЭНТУЗИАСТ	55
ПАМЯТКА АВТОРАМ	59

CONTENTS

SECTION I. EDUCATION AND PEDAGOGICAL SCIENCES.....6

Makarova E. N.

Formation of Educational Environment of a Modern University by Improving “Teacher – Student” Interaction.....6

Laiche S.

The effect of power distance index on the student-teacher-student interactions in Multicultural Class-rooms..... 14

SECTION II. SOCIAL SCIENCES23

Korobkov Yu.

D. Representations of Workers and Peasants of the Mining Urals about Poverty in the Post-Reform Period (Based on Proverbs and Sayings)23

Konev L. M., Korolev N. S.

The Price of Participation of the Women's Secondary Educational School Representatives in the Protest Movement in the Urals in the Second Half of the XIXth Century..... 30

SECTION III. PHILOLOGY36

Korobkina N. I.

Dialect Interaction as a Variety of Language Accommodation36

Chernova O. E.

Communication Strategies and Tactics in Newspaper Publications on Health.....42

Maximova A. M.

Telegram Channels as a Type of Media: Transformation of the Genre of Information Note.....49

SECTION IV. SCIENTIFIC LIFE.....55

Osipova A. A.

«Before Your Name, the Teacher, let Me Bend the Knee...» : S. A. Shchulepnikov – Teacher, Educator, Enthusiast 55

INFORMATION FOR THE AUTHOR.....59

УДК: 378.147:159.9

DOI: 10.18503/2658-3186-2023-7-2-06-13

Е. Н. Макарова (Екатеринбург, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА ПУТЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ – СТУДЕНТ»

Аннотация. Статья посвящена вопросу о взаимодействии преподавателя и студента в условиях образовательного пространства современного российского вуза, неотъемлемой характеристикой которого должно быть создание между всеми участниками образовательного процесса системы связей, позволяющей наиболее эффективно осуществлять образовательный и воспитательный процессы. Анализ существующих проблем и потребностей учащихся высшей школы в контексте их взаимодействия с педагогом представляется актуальным. Он продиктован необходимостью изменений в системе высшего образования, реформирование которого активно дискутируется. Исследование выполнено на основе методов анкетирования и устного интервью, а также метода анализа литературы по исследуемой проблеме. Полученные данные подтверждают, что 80 % респондентов испытывали негативный стресс в процессе обучения; 93 % респондентов считают, что роль педагога в снижении уровня стресса является ведущей, поскольку именно преподаватели способны минимизировать эмоциональную напряженность в учебной аудитории и создать спокойную учебную обстановку. Доказана потребность студентов в поддержке преподавателя: с точки зрения студентов, уважительное взаимодействие между преподавателем и студентом оказалось более значимым в сравнении со способностью педагога эффективно передавать знания по предмету. Среди способов демонстрации уважительного отношения респондентами были названы отсутствие раздражения и повышения голоса при ответе на вопросы, объективная оценка знаний учащихся, умение слушать, готовность оказать помощь, а также способность преподавателя выступать в роли партнера. Анализ ответов респондентов показывает, что большая часть из востребованных у студентов качеств педагога относится не к профессиональной характеристике преподавателя, а к чертам его личности. Практическая значимость полученных результатов состоит в том, что даны рекомендации по установлению сбалансированного взаимодействия между преподавателем и студентом и снижению уровня тревожности, что способствует повышению эффективности работы по созданию современного образовательного пространства высшей школы. Полученные результаты могут также найти практическое применение в создании программ повышения квалификации для преподавателей вузов, не имеющих педагогического образования.

Ключевые слова: образовательное пространство, высшая школа, взаимодействие «преподаватель – студент», стресс.

Введение

Вопросы формирования образовательного пространства высшей школы в последние десятилетия находятся в центре внимания исследователей: рассматриваются особенности его структуры, принципы и цели его построения, одной из которых является создание «...таких условий в процессе обучения, при которых обучающиеся постоянно действуют, принимают самостоятельные решения, спорят, учатся обосновывать и отстаивать свою точку зрения» [3, с. 86]. Для достижения этой цели необходимо эффективное взаимодействие между педагогами и студентами, формы и модели которого активно обсуждаются в последние годы преподавателями-практиками, методистами и учеными. Несмотря на то, что вопрос взаимодействия «педагог – студент» в контексте университетского образования находится в центре внимания исследователей в течение последнего десятилетия, он не теряет актуальности: постоянно меняющаяся современная академическая среда требует не только новых подходов к преподаванию и обучению, но и совершенствования форм взаимодействия между всеми участниками учебного процесса. В период пандемии, когда наиболее активно обсуждались проблемы дистанционного образования и готовность педагогов к использованию и внедрению в учебный процесс современных информационно-коммуникационных технологий, вопрос о владении педагогическим составом психологическими знаниями и коммуникативными навыками отошел на второй план. Однако опыт работы в высшей школе позволяет говорить о том, что проблема взаимодействия между преподавателем и студентом остается важной по нескольким причинам. Так, построение продуктивной модели взаимодействия «преподаватель – студент» может испытывать негативное влияние из-за разницы в возрасте: относясь к разным поколениям, студенты и преподаватели могут иметь различные убеждения и ценности. Причем эта разница между средним возрастом преподавателя вуза и студента может

составлять более 20 лет и быть причиной, затрудняющей их взаимопонимание в рамках учебного процесса [9]. Кроме того, задача построения эффективного взаимодействия между педагогом и студентом может быть сложной для так называемых «педагогических непрофессионалов», составляющих во многих вузах большинство. Эти преподаватели обладают уникальными предметными знаниями, однако не имеют педагогического образования [8]. Заметная разница существует при обучении студентов преподавателями гуманитарного и технического и направлений: первые испытывают сложности с внедрением в образовательный процесс новейших информационно-коммуникационных средств, тогда как для второй группы характерным является низкий уровень знаний возрастной психологии и самих основ педагогической деятельности [4].

В этих условиях необходимо продолжать поиск путей решения проблем, возникающих в процессе взаимодействия преподавателя и студента. *Новизна работы* состоит в привлечении к исследованию студентов экономического вуза, образовательное пространство которого отличается от педагогического вуза тем, что преподаватели в своем большинстве не имеют педагогического образования. В отличие от анкетирования так называемых «педагогических непрофессионалов» [8], опрос студентов, которых они обучают, ранее не проводился.

Цель исследования – дать анализ взаимодействия между преподавателями и студентами в образовательном пространстве современного экономического вуза, Поставленная цель определила следующие задачи исследования: 1) выявить и описать трудности, возникающие в процессе взаимодействия преподавателя и студента с точки зрения учащихся; 2) определить роль и возможности преподавателя в снижении тревожности и негативного стресса, испытываемых студентами в учебной аудитории 3) проанализировать потребности студентов в контексте их взаимоотношений с преподавательским составом.

Основными *методами*, примененными в работе для достижения поставленной цели, были метод анкетирования и устного интервью, а также метод анализа научной литературы по исследуемой проблеме. Анкета содержала 14 вопросов открытого и закрытого типов. В анкетировании приняли участие 40 студентов второго курса экономического университета. Для обработки полученных на вопросы анкеты ответов были использованы методы количественной и качественной обработки данных.

Обзор литературы

Вопросы взаимодействия «преподаватель – студент», по мнению многих исследователей и педагогов, относятся к разряду важнейших, поскольку их характер оказывает большое влияние на всех участников образовательного процесса [16]. Эффективность такого взаимодействия напрямую связана с отношением студентов к их учебно-профессиональной деятельности [2]. Доказана положительная связь между эффективным взаимодействием преподавателя и студента и мотивацией к обучению. В среде современного вуза формирование той или иной модели взаимодействия педагогов и студентов зависит от многих факторов, включая личностные и индивидуальные особенности членов обеих групп. Важную роль в этом процессе, по мнению современных авторов, играют традиции вуза, поскольку именно они определяют характер ориентированности деятельности преподавателя на студента, а не на себя [10].

Современные российские и зарубежные авторы рассматривают обсуждаемую проблему учитывая мнения как преподавателей [2; 8], так и учащихся [5]. В работах последних лет анализу подвергается восприятие студентами профессиональных, научных и личностных характеристик педагога и степень их влияния на характер взаимодействия преподавателя и студента в учебной среде. Как показывают результаты исследований, к числу важнейших относится способность педагога выстраивать эффективную коммуникацию. Именно коммуникативные навыки преподавателя и умение вести со студентами диалог обеспечивают благоприятную обучающую среду и влияют на качество образовательного процесса [15]. В работах последних лет подчеркивается первостепенность создания в учебной аудитории доверительной и дружелюбной атмосферы, которая позволяет снизить у учащихся уровень стресса и тревожности. Как отмечает Т. Фаррел [14], взаимоуважение между педагогом и студентом играет в этом процессе ключевую роль. Л. В. Николаева и Р. В. Саввинова среди профессионально важных качеств педагогического общения на первое место ставят уважение к студентам и коммуникативные качества педагога, а также его способность к эмпатии [5]. В исследовании О. А. Семенова и других исследователей убедительно доказано, что современные студенты наряду со знанием предмета, ценят в преподавателе человечность и тактичность, а также умение находить с учащимся общий язык [6]. Создание в учебной аудитории атмосферы доброжелательности и взаим-

ного доверия способствует тому, что учащиеся открыто делятся своими мыслями и идеями, что способствует достижению целей обучения [7]. В противоположность этому, атмосфера стресса, причиной которой может быть отсутствие поддержки со стороны педагога, оказывает негативное влияние не только на академическую успеваемость студентов, но и на их психологическое благополучие [18].

В современной литературе активно дискутируются способы совершенствования взаимодействия между педагогом и студентом как в рамках учебной аудитории, так и за ее пределами. Так, в работе В. П. Шibaева и Л. М. Шibaевой представлен пример эффективного взаимодействия между преподавателями и студентами на примере внедрения такой перспективной концепции смешанного обучения как Bring Your Own Device (BYOD), в рамках которой студенты пользуются цифровыми образовательными ресурсами не только в аудитории, но и за ее пределами, используя собственные электронные устройства [10]. Интересным представляется использование технологии педагогической фасилитации, которая предполагает введение определенных требований к профессионализму педагогов, в частности к умению строить продуктивное взаимодействие со студентами. Результатом внедрения этой образовательной технологии должно стать разделение управленческих функций между всеми участниками образовательного процесса, которое, в свою очередь, послужит фактором повышения учебной мотивации и интереса к изучаемой дисциплине [5]. Что касается внеаудиторной работы, способствующей совершенствованию взаимодействия между преподавателем и студентом, её формы многообразны [12; 13]. Среди наиболее эффективных можно выделить посещения педагогами студенческих общежитий, в ходе которых преподаватель может лучше понять не только академические, но и жизненные потребности учащихся, обсудить возникающие у студентов проблемы [19]. Несмотря на активное обсуждение, многие вопросы в этой области остаются без ответа, что делает обращение к проблеме взаимодействия преподавателя и студента и ее дальнейшее изучение своевременным и актуальным.

Результаты и обсуждение

По результатам анализа ответов студентов на вопросы анкеты получены данные по их восприятию образовательного пространства с точки зрения психологического комфорта и роли преподавателя в снижении уровня тревожности и стресса в учебной аудитории; во втором разделе обсуждается потребность студентов в уважительном отношении преподавателя и построении отношений сотрудничества в ходе учебного процесса.

Уровень стресса и тревожности студентов. Данные, представленные на рис. 1, свидетельствуют о том, что 80 % респондентов когда-либо испытывали в процессе обучения стресс или чувство тревоги. Процентное распределение ответов респондентов на вопрос «Испытывали ли вы когда-либо тревогу или стресс, находясь в аудитории?» представлено на рис. 1.

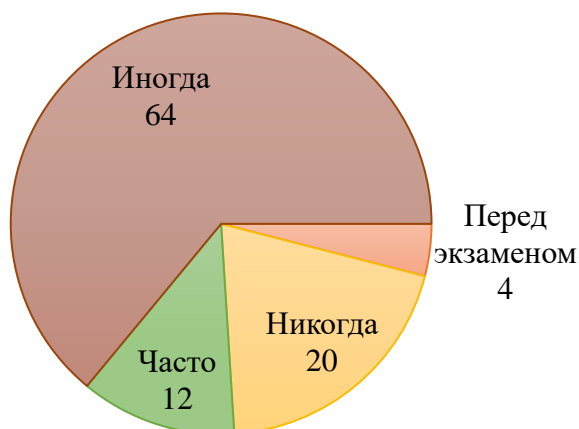

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Испытывали ли вы когда-нибудь тревогу или стресс, находясь в аудитории?», %

Хотя анализ факторов, вызывающих стресс, выходит за рамки данного исследования, вопрос «Бойтесь ли вы задавать вопросы во время занятия?» был задан для того, чтобы выяснить, может ли причиной эмоционального напряжения стать обращение к педагогу для уточнения воспринимаемой информации. Полученные данные свидетельствуют о том, что 10 % процентов опрошенных студентов испытывают трудности в процессе обращения к преподавателю. Большая часть респондентов

(87 %) не испытывают затруднений, спокойно выполняя этот вид деятельности (рис. 2).

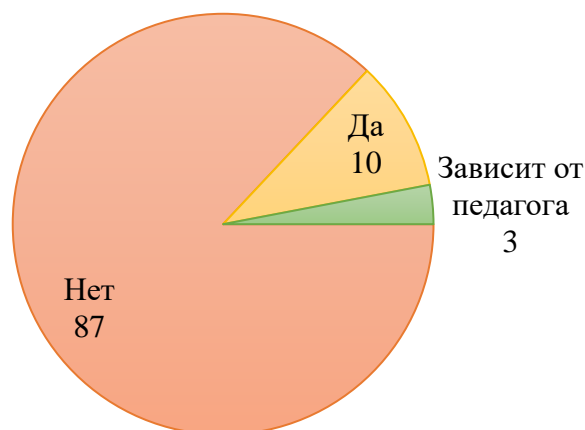

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Боитесь ли вы задавать вопросы во время занятия?», %

93 % респондентов считают, что именно педагоги способны снизить уровень негативного стресса. Эти данные свидетельствуют о том, что, по мнению учащихся, педагог выполняет ведущую роль в создании спокойной и комфортной учебной обстановки (рис. 3).

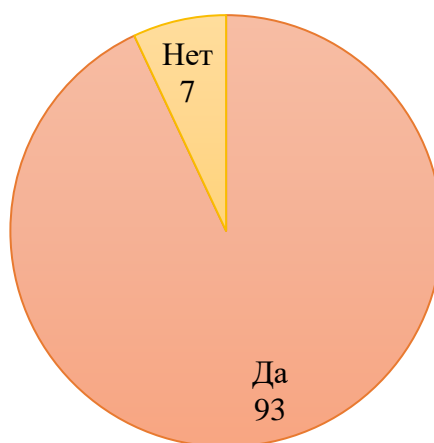

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Может ли преподаватель снизить уровень стресса в учебной группе?», %

Методы борьбы со стрессом в процессе обучения многообразны и описаны в современной литературе. Один из них предполагает введение в учебную программу элементов социально-эмоционального обучения, включающую формирование навыков распознавания и управления эмоциями. Доказано, что социально-эмоциональное обучение эффективно в борьбе с тревогой и снижает уровень негативного стресса [17], что влияет не только на психологическое благополучие студентов, но и на их академическую успеваемость. Другим педагогическим инструментом, позволяющим наладить взаимодействие между преподавателем и студентом и минимизировать негативные эмоции, возникающие в процессе обучения, является «самораскрытие» преподавателя [16], которое подразумевает обмен со студентами информацией о личности педагога и его интересах, не связанных с преподаваемым им предметом, например, хобби. По данным литературы, формат смешанного обучения считается наиболее подходящим для применения методов снижения уровня тревожности студентов [17].

Уважительные отношения. Вторая группа данных опроса относится к значимости установления уважительного взаимодействия между педагогом и студентом. Анализ ответов респондентов показал, что все участники считают уважительное отношение к ним преподавателя чрезвычайно важным. Согласно ответам студентов, принявших участие в опросе, преподаватели могут показывать разными способами, что они уважают и ценят их, например, отвечая на вопросы студентов, не раз-

дражаться и не повышать голос. Среди других наиболее часто встречающихся ответов респондентов о способах проявления уважения со стороны преподавателя были следующие: объективная оценка знаний и успеваемости, готовность помочь, умение слушать и понимать, равное отношение ко всем учащимся, похвала, способность быть партнером, предоставление студенту возможности высказать свою точку зрения, даже если она отличается от мнения самого педагога, вежливость. Анализ ответов показывает, что часть из них скорее относятся не к профессиональной характеристике педагога, а к его личностным качествам. От респондентов также требовалось сравнить степень значимости уважительного отношения преподавателя к студентам и его способность эффективно передавать им знания по предмету. Лишь немногие студенты (5 %) считают способность педагога объяснить материал в доступной форме более важной, чем его уважительное отношение к личности студента. Данные, полученные в ходе опроса, подтвердили результаты исследования, проведенного А. А. Федоровым и его коллегами [9], по итогам которого уважительное отношение к учащимся было оценено респондентами выше, чем знание предмета.

Ответы студентов подтверждают их потребность в уважительном взаимодействии в рамках учебного процесса и установлении партнерских отношений между учащимися и преподавателями. Эти данные, как и высокий процент респондентов, испытывающих негативный стресс и тревогу в процессе обучения, ставят вопрос о необходимости преподавателям, в том числе непрофессиональным педагогам, дополнить свою роль носителя предметной информации, профессиональных знаний ролью партнера и помощника [20]. Анализ понимания преподавателями, не имеющими педагогического образования, сути взаимоотношений участников образовательного процесса, поможет найти пути решения проблемы взаимодействия со студентами [11] и способствовать повышению эффективности образовательного процесса.

Заключение

Образовательное пространство современного вуза подразумевает создание условий, побуждающих учащихся к активной познавательной деятельности. Важная роль в этом процессе принадлежит качеству взаимодействия между студентом и преподавателем. По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

подавляющая часть респондентов, принявших участие в анкетировании, испытывали негативный стресс или тревогу, находясь в учебной аудитории. Около 12 % респондентов часто попадают в стрессовые ситуации, находясь в академической среде. Прямое взаимодействие преподавателя и студента не является источником тревоги студентов – большая часть респондентов не боятся задавать преподавателям вопросы, связанные с предметом. Более 90 % участников воспринимают преподавателя как человека, способного помочь снизить уровень стресса и улучшить психологические и эмоциональные условия обучения.

Второй важный вывод касается степени важности для учащихся установления уважительного взаимодействия между студентом и педагогом для повышения эффективности учебного процесса. С точки зрения студентов, уважительное отношение к ним со стороны педагога является более значимым в сравнении со способностью продуктивно передавать знания по предмету. Реалии современного мира требуют от преподавателя вуза умения справляться со сложными ситуациями и приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям. К одной из первостепенных и трудновыполнимых задач относится построение доброжелательных и основанных на доверии взаимоотношений со студентом.

Полученные данные свидетельствуют о том, что студенты испытывают потребность в уважительном отношении педагогов. Согласно результатам, полученным в предыдущих исследованиях, применение образовательной психологии в преподавании и обучении не воспринимается преподавателями вузов как основная задача [1]. Это обуславливает необходимость поиска новых подходов к подготовке преподавателей вузов, которые должны быть способны инициировать и установить уважительное взаимодействие со студентами на основе глубоких знаний в области методологии, психологии и педагогики.

Преподаватели вузов, не имеющие педагогического образования, могут развивать свою педагогическую компетентность, участвуя в программах профессионального развития. С помощью программ такого рода можно помочь «педагогическим непрофессионалам» удовлетворить возникающие профессиональные потребности, среди которых наиболее важной остается способность создавать доверительный стиль общения во взаимодействии с учащимися. Эффективным может стать неформальное общение педагога и студента вне учебной аудитории, позволяющее глубже раскрыть лич-

ность преподавателя.

Дальнейшие задачи исследования могут включать изучение взаимодействия преподавателя и студента экономического вуза с точки зрения его восприятия преподавателями, в том числе анализ готовности «педагогических непрофессионалов» к установлению партнерских отношений со студентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И. Е., Макарова Е. Н. Трансформация роли преподавателя иностранных языков в региональном вузе: сравнительный анализ субъективного самочувствия педагогов // *Перспективы науки и образования*. 2020. № 2(44). С. 415–429.
2. Макарова Л. Н. Взаимодействие преподавателей и студентов вуза и результативность образовательной деятельности // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2019. Т. 24, № 178. С. 7–12.
3. Медведева Л. В. Структура образовательно-информационного пространства современной высшей школы // *Человек и образование* 2016. № 1(46). С. 85–90.
4. Нархов Д. Ю. Взаимодействие преподавателя и студента современного вуза: проблемы социологического исследования // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2010. № 4. С. 66–73.
5. Николаева Л. В., Саввинова Р. В. Взаимодействие преподавателя и студента как условие эффективности профессиональной подготовки будущих социалистов // *Современные наукоемкие технологии*. 2015. № 12. С. 351–354.
6. Семенов О. А., Николаев Е. В., Семенова Г. Е. Исследование образа современного преподавателя среди студентов вуза // *Современные проблемы науки и образования*. 2020. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29517> (дата обращения: 18.02.2022).
7. Толстоногова И. В. Взаимодействие «преподаватель – студент» как ядро академической коммуникации на практическом занятии по английскому языку // *Моделирование эффективной речевой коммуникации в контексте академического и профессионально ориентированного взаимодействия: сб. науч. ст. / под общ. ред. О. В. Луцинской, Е. В. Савич*. Минск : БГУ, 2016. С. 99–104.
8. Усольцев А. П., Кошечева Е. С. Феномен педагогического непрофессионализма преподавателей вузов // *Педагогическое образование в России*. 2022. № 3. С. 26–41.
9. Фёдоров А. А., Ипалтдинова Е. Ю., Фролова С. В. «Конвенция поколений» в новом мире образования // *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27, № 7. С. 28–38.
10. Шибаяев В. П., Шибаяева Л. М. Эффективные формы взаимодействия преподавателя и студентов в условиях современного вуза // *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 4(71). С. 313–314.
11. Brinkworth M. E., McIntyre J., Juraschek A. D., Gehlbach H. Teacher-student relationships: the positives and negatives of assessing both perspectives // *Journal of applied developmental psychology*. 2018. Vol. 55. P. 24–38.
12. Briody E. K., Wirtz E., Goldenstein A., Berger E. J. Breaking the tyranny of office hours: overcoming professor avoidance // *European journal of engineering education*. 2019. Vol. 44, iss. 5. P. 666–687.
13. Claessens L., van Tartwijk J., van der Want A. et al. Positive teacher-student relationships go beyond the classroom, problematic ones stay inside // *The journal of educational research*. 2017. Vol. 110, iss. 5. P. 478–493.
14. Farrell T. Reflecting on teacher-student relations in TESOL // *ELT Journal*. 2015. Vol. 69, iss. 1. P. 26–34.
15. Maleki F., Talaie M. H., Moghadam S. et al. Investigating the influence of teachers' characteristics on the teacher-student relations from students' perspective at Ilam University of Medical Sciences // *Journal of clinical and diagnostic research*. 2017. Vol. 11, iss. 6. P. JC04–JC08.
16. Safaei N., Shahrokhi M. Relationship between teacher self-disclosure and teaching style: perception of EFL teachers // *Cogent education*. 2019. Vol. 6. Art. 1678231.
17. Sharma S., Sarkar P. Efficiency of blended learning in reduction of anxiety: with special reference to high school students // *International journal of grid and distributed computing*. 2020. Vol. 13, iss. 1. P. 277–285.
18. Stocker S. L., Gallagher K. M. Alleviating and altering appraisals: Social-emotional learning in the college classroom // *College teaching*. 2018. Vol. 67, iss. 1. P. 23–35.
19. Yan Y. The research on teacher-student relationship from the perspective of educational philosophy // *Open journal of social sciences*. 2019. Vol. 7, iss. 12. P. 448–459.
20. Yusofi M., Zarghami-Hamrah S., Ghaedy Y., Mahmudnia A. A quasi-transcendental approach for removing hierarchical teacher-student relation // *Policy futures in education*. 2017. Vol. 16. P. 346–359.

FORMATION OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A MODERN UNIVERSITY BY IMPROVING “TEACHER – STUDENT” INTERACTION

Abstract. The article deals with the issue of a teacher-student interaction in the educational environment of a modern Russian higher educational institution, and its inherent characteristic should be creation of an interaction system between all the participants in the educational process, allowing its most effective implementation. The analysis of existing problems and students' needs in the context of their interaction with the teaching staff is relevant and justified by the need for changes in the system of higher education, as far as its reformation is actively debated. The research is conducted on the basis of the survey and oral interviews methods, as well as a method of a literature review on the problem under discussion. The results allow to confirm that 80% of the respondents have experienced negative stress during the learning process. The 93% of the students believe in a teacher's leading role when reducing the level of negative stress in the classroom and creating friendly learning environment. The students' need for support of the teaching staff has also been proved: from the students' point of view, a respectful interaction between a teacher and a student is more significant for a classroom atmosphere than the teacher's ability to transmit effectively the knowledge of the subject. Among the ways of demonstrating teacher's respectful attitude are the following: absence of irritation and raising voice when answering questions, objective assessment of students' knowledge, ability to listen and willingness to help, as well as the teacher's ability to act as a partner. The analysis of the respondents' answers shows that most of these ways are related not to the professional characteristics of the teacher, but to his/her personal qualities. Practical recommendations for the establishment of a balanced interaction between the teacher and the student and for minimization of anxiety level are given, which contributes to the effectiveness of the work to create a modern educational environment at the higher school. The results obtained in the course of the research can find practical application in professional development programs for university teaching staff that do not possess the pedagogical training.

Keywords: environment, higher education, teacher-student interaction, negative stress.

REFERENCES

1. Abramova I. E., Makarova E. N. Transformatsiya roli prepodavatelya inostrannykh yazykov v regional'nom vuze: sravnitel'nyi analiz sub"ektivnogo samochuvstviya pedagogov, *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], 2020, no. 2(44), pp. 415–429.
2. Makarova L. N. Vzaimodeistvie prepodavatelya i studentov vuza i rezul'tativnost' obrazovatel'noi deyatel'nosti, *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2019, no. 24(178), pp. 7–12.
3. Medvedeva L. V. Struktura obrazovatel'no-informacionnogo prostranstva sovremennoj vyshej shkoly, *Che-lovek i obrazovanie*, 2016, no. 1(46), pp. 85–90.
4. Narkhov D. Yu. Vzaimodeistvie prepodavatelya i studenta sovremennoyu vuza: problemy sotsiologicheskogo issledovaniya, *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2010, no. 4, pp. 66–73.
5. Nikolaeva L. V., Savvinova R. V. Vzaimodeistvie prepodavatelya i studenta kak uslovie effektivnosti professional'noi podgotovki budushchikh sotsialistov, *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern High Technologies], 2015, no. 12, pp. 351–354.
6. Semenov O. A., Nikolaev E. V., Semenova G. E. Issledovanie obraza sovremennoyu prepodavatelya sredi studentov vuza [Elektronnyi tekst], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2020, no. 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29517> (date of access: 18.02.2023).
7. Tolstonogova I. V. Vzaimodeistvie «prepodavatel' – student» kak yadro akademicheskoi kommunikatsii na prakticheskom zanyatii po angliiskomu yazyku, In *Modelirovanie effektivnoi rechevoi kommunikatsii v kontekste akademicheskogo i professional'no orientirovannogo vzaimodeistviya* [Modeling effective speech communication in the context of academic and professionally oriented interaction], Minsk, BGU, 2016, pp. 99–104.
8. Usol'tsev A. P., Koshcheeva E. S. Fenomen pedagogicheskogo neprofessionalizma prepodavatelya vuzov, *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2022, no. 3, pp. 26–41.
9. Fedorov A. A., Ilaltdinova E. Yu., Frolova S. V. «Konventsia pokolenii» v novom mire obrazovaniya, *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2018, no. 27(7), pp. 28–38.
10. Shibaev V. P., Shibaeva L. M. Effektivnye formy vzaimodeistviya prepodavatelya i studentov v usloviyakh sovremennoyu vuza, *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2018, no. 4(71), pp. 313–314.
11. Brinkworth M. E., McIntyre J., Juraschek A. D., Gehlbach H. Teacher-student relationships: the positives and negatives of assessing both perspectives, *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2018, no. 55, pp. 24–38.

12. Briody E. K., Wirtz E., Goldenstein A., Berger E. J. Breaking the tyranny of office hours: overcoming professor avoidance, *European Journal of Engineering Education*, 2019, no. 44(5), pp. 666–687.
13. Claessens L., van Tartwijk J., van der Want A. et al. Positive teacher-student relationships go beyond the classroom, problematic ones stay inside. *The Journal of Educational Research*, 2017, no. 110(5), pp. 478–493.
14. Farrell T. Reflecting on teacher–student relations in TESOL. *ELT Journal*, 2015, no. 69(1), pp. 26–34.
15. Maleki F., Talaie M. H., Moghadam S. et al. Investigating the influence of teachers' characteristics on the teacher-student relations from students' perspective at Ilam University of Medical Sciences. *Journal of Clinical and Diagnostic Research*, 2017, no. 11(6), pp. JC04–JC08.
16. Safaei N., Shahrokhi M. Relationship between teacher self-disclosure and teaching style: perception of EFL teachers. *Cogent Education*, 2019, no. 6, p. 1678231.
17. Sharma S., Sarkar P. Efficiency of blended learning in reduction of anxiety: with special reference to high school students, *International Journal of Grid and Distributed Computing*, 2020, no. 13(1), pp. 277–285.
18. Stocker S. L., Gallagher K. M. Alleviating and altering appraisals: Social-emotional learning in the college classroom, *College Teaching*, 2018, no. 67(1), pp. 23–35.
19. Yan Y. The research on teacher-student relationship from the perspective of educational philosophy, *Open Journal of Social Sciences*, 2019, no. 7(12), pp. 448–459.
20. Yusofi M., Zarghami-Hamrah S., Ghaedy Y., Mahmudnia A. A quasi-transcendental approach for removing hierarchical teacher-student relation, *Policy Futures in Education*, 2017, no. 16, pp. 346–359.

Макарова Е. Н. Формирование образовательного пространства вуза путем совершенствования взаимодействия «преподаватель – студент» // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 2. С. 6–13.

Makarova E. N. Formation of Educational Environment of a Modern University by Improving “Teacher – Student” Interaction, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no. 2, pp. 6–13.

Дата поступления статьи – 26.04.2023; 0,78 печ. л.

Сведения об авторе

Макарова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой делового иностранного языка Уральского государственного экономического университета; Екатеринбург, Россия; makarovayn@mail.ru.

Author:

Elena N. Makarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Business Foreign Language of Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia; makarovayn@mail.ru.

ВЛИЯНИЕ ПОКАЗАТЕЛЯ ДИСТАНЦИИ ВЛАСТИ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «УЧИТЕЛЬ-УЧЕНИК-УЧИТЕЛЬ» В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ КЛАССАХ

Аннотация. Дистанция власти – это одно из четырех культурных измерений, разработанных Гертом Хофстеде, которое существует с разными индексами в разных культурах. Необходимо знать показатель дистанции власти в каждой культуре, чтобы избежать недопонимания. Целью данного исследования является изучение влияния дистанции власти на взаимодействие «ученик–учитель–ученик» в мультикультурных классах, в которых участвуют учащиеся из разных культур. Данные были получены с помощью анкетирования, в котором приняли участие 40 иностранных студентов из разных стран мира. В статье отмечается, что все они из стран с высоким индексом дистанции власти. Основное внимание в этом исследовании было уделено положительному и отрицательному влиянию дистанции власти на взаимодействие в классе между учащимися и преподавателями. Опираясь на качественные и количественные методы, автор провел анализ и установил, что учителя чаще контролируют показатель дистанции власти, что приводит к установлению отношений близости к студентам или обособленности от них. Дополнительно было определено, что дистанция власти оказывает эмоциональное влияние на учащихся, их общие результаты обучения и взаимодействие в классе. Материалы статьи способствуют культурным исследованиям, изучающим влияние дистанции власти на общение и эмоции; показывают элементы, связанные с высоким и низким индексом дистанции власти, и то, в какой степени это может положительно или отрицательно сказываться на взаимодействии между учениками и учителями в мультикультурной академической среде.

Ключевые слова: дистанция власти, отношения «учитель–ученик», дискурс в классе, эмоциональный эффект, поликультурный класс, культурные ценности, формы обращения, взаимодействие в классе.

THE EFFECT OF POWER DISTANCE INDEX ON THE STUDENT-TEACHER-STUDENT INTERACTIONS IN MULTICULTURAL CLASSROOMS

Abstract. Power distance is one of the four cultural dimensions developed by Geert Hofstede, which exists with different indexes in different cultures. It is necessary to know the index of power distance in each culture, in order to avoid the miscommunication. The goal of this study is to explore the effect of power distance on student-teacher-student interactions in multicultural classrooms, which involve students from different cultural backgrounds. The data was obtained through a questionnaire, with the participation of 40 international students from different countries, also, it is noted that all of them are from countries with a high-power distance index. The focus of this study was on the positive and the negative effect resulted from the power distance, on the classroom interactions between the learners and the instructors. Being drawn on qualitative and quantitative methods, analysis showed that the teachers are more likely to have control over the index of the power distance, which results in having a relationship of closeness or apartness with the students. In addition to that, it has an emotional effect on the students and their overall outcomes and interactions in-classroom settings. The results contribute to the cultural studies that tackle the effect of power distance on communication and emotions. They show the elements associated with high and low power distance index, and to what extent it may positively or negatively affect the interactions between the students and the teachers in multicultural academic settings.

Keywords: power distance, teacher-student relationship, classroom discourse, emotional effect, multicultural classroom, cultural values, Address forms, classroom interactions.

Introduction

Power is one of the dimensions of culture in Hofstede's typology. Power distance is a measure of how well-established a society's social hierarchy is. The Power Distance Index (PDI) gauges how much those at the bottom of the hierarchy are willing to acknowledge that social status or power are not allocated fairly in society. This metric is used by sociologists and psychologists alike. High power distance indicates that a certain culture accepts the imbalance in power. A high-power distance culture supports rank and authority and promotes bureaucracy. In such cultures the degree to which people, communities, or cultures accept inequality (such as inequality in power, position, or money) as inevitable, acceptable, or functional is referred to as power distance. Cultures with low power distance in contrast views regarding how people with different degrees of power should interact are shaped by the acceptance of power inequalities [6].

The degree to which individuals, communities, or civilizations accept the uneven distribution of pow-

er, authority, or money in society or organizations is referred to as power distance [5]. According to Daniels and Greguras [3], nations with low power distance accept both people with high and low power distance indexes. Acceptance of inequality is the key element of power distance (Schiller [8]). People who believe in power distance strongly are more willing to accept power imbalances in their companies, specifically in terms of attitude. They would thus support hierarchy and believe that subordinates should respect and follow their superiors (Kirkman [7]).

Power distance in academic settings can exist with different indexes and levels, it can be large in some classrooms while in others it is small. According to some scholars, power distance in classrooms causes students to become transitionally dependent on teachers, boosts students' classroom and learning anxiety, and places teachers in a position of extreme power, which makes them the dominant figure in the classroom (Wang [10]). Using this approach of high-power distance can seriously hinder students' ability to develop critical thinking, as well as their initiative and creativity in the classroom, as well as decrease student-teacher engagement and harm the teacher-student bond and relationship [10].

Power distance can be strongly witnessed in-classroom settings, but the degree in which the power distance is high or low can be generalized, due to the fact that it has a strong correlation with the cultural and the social settings. The index of power distance can greatly influence the teacher-student-teacher relationship, which is directly related to the communication and classroom interactions. In western countries, like the USA, power distance in classrooms is low, which allows the students to have freedom talking and having discussions with their teachers, as well as their ability to say what they like and what they hate without fear or hesitation. Whereas, in countries with high power distance, such as Asian and Arabic countries, the teacher is regarded as superior, that's why the students try their best to communicate formally and only within the scope of the lecture, because of the fear of punishment or offense.

According to some scholars, power distance in classrooms causes students to become transitionally dependent on teachers, boosts students' classroom and learning anxiety, places teachers in a position of extreme power, and makes teachers the dominant figure in the classroom (Wang [10]). Such a strategy can seriously hinder students' ability to develop critical thinking, as well as their initiative and creativity in the classroom, restrict student-teacher contact, and negatively affect the teacher-student connection (Xu & Fan [11]). Others contend, however, that because the teacher is a constructivist educator, the teacher's position of authority in the classroom has no bearing on whether or not the classroom becomes learner-centered (Biggs [2]). In his comments on power distance and cultural factors, Hofstede (2001) was unable to pinpoint the precise effect of power distance on learning in the classroom. While the majority of the research on combining power distance and instruction remains in the area of contrastive analysis and combining with individualism and collectivism (Alshahrani [1]; Spencer-Oatey [9]), another area is combining behavioral research, but there is a dearth of research in this area that addresses classroom equity.

Material and methods

The main goal of this study was to identify the effect of the power distance index on the teacher-student-teacher relationship in multicultural classroom settings. Throughout the research a set of attitudes and opinions were discussed and analyzed in order to identify how can the power distance exactly affect either positively or negatively the relationship between the students and the teachers. The method used throughout the paper is a mixed method, through which quantitative and qualitative analysis was applied in order to address the implicit and explicit effect of this important cultural element that was originally introduced by Geert Hofstede.

The tool used for collecting data is a questionnaire that consists of ten (10) questions, some of them are choice questions, that were intended in order to get numerical data about the student preferences, for instance, students were asked about the way they like to address their teachers and how they like to be addressed, and if they are satisfied with the amount of power and freedom given to them by their teachers in-classroom settings. Also, the questionnaire contains open-ended questions, through which they can express their opinions and to justify their forementioned choices, such as, what the relationship between the teacher and student should be like? Justify your answer.

This study covers the population of 40 students who came from different cultural background, and who carry their studies at people's friendship university of Russia. Students involved in study are from Arabic countries, Asian countries, African countries and eastern European countries, also, it must be stressed out on the fact that all of them are from countries with a high-power distance index.

Data Analysis and Discussion

1. Where are you from?

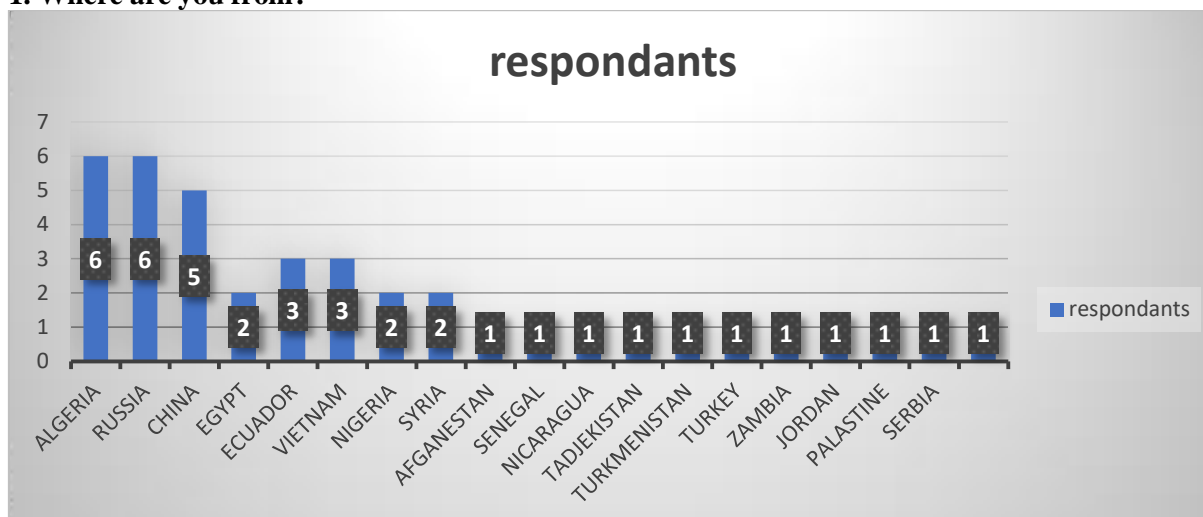

Fig.1.Nationalities of the participants

This study covers a number of students from different countries, who study in multicultural classrooms at people's friendship of Russia. The higher percentages of the students belong to Algeria, China and Russia, while the rest of the percentages of (3 %-8 %) represents students from other countries such as; Egypt, Ecuador, Vietnam, Nigeria, Syria, Afghanistan Nicaragua, Bosnia and Serbia.

It is noticeable from the data collected that all the students who took part in this study are from High-power-Distance cultures, which is usually spotted in countries, such as Latin American countries, Arabic countries, Asian countries and African countries.

2. How do you address your teacher?

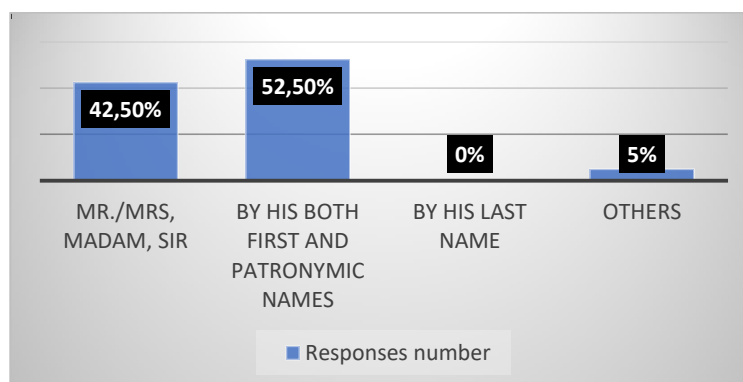

Fig.2. Forms of addressing teachers

Participants were asked about their preferred way of addressing their teachers/ instructors; The two first choices took the highest percentages, with a percentage of 42,5 % for “Mrs./Mr., Madam/sir”, While 52,5 % went for “calling the teacher by his first name and patronymic name”. 5 % of the participants chose to give other answers such as, **Teacher or Professor**.

The participants choices can be explained through the fact that they want to maintain a distance and respect between them and their teacher, due to the fact that the teacher is in a higher position than them. Most of the participants who went for the first choice (**Mrs./Mr., Madam/sir**) are from Latin American countries, Arabic countries, Asian countries and African countries, which demonstrates that this form of address is commonly used in classroom settings in these countries. While, all the ones, who preferred to call the teachers with their first names and patronymic names are from Russia and the eastern European countries, this is due to the fact that this form of address is commonly used in these countries.

3. How do you like to be addressed by your teacher?

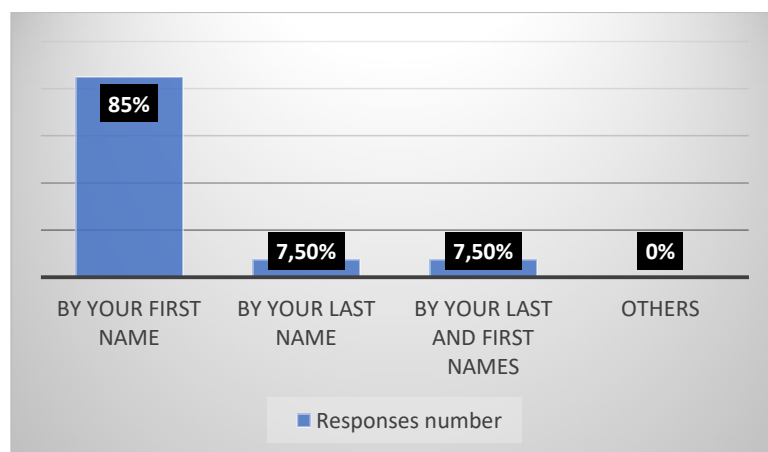

Fig.3.Preferred form of address for the students

The participants were asked to identify their favorite way of being addressed by their teachers, the greatest percentage went for the first choice, which is being called by their first name, while an equal percentage of 7,5 % went to the second and the third choices, which are being called by their last names and their first and last names.

The ones who opted for the first choice, tend to look for more of a friendly atmosphere and make them feeling closer to their teachers. While, the ones who opted for the second and the third choices are more likely to prefer professional settings and more distanced relationships.

4. Do you feel like being called by your teacher in a certain way can reflect the relationship between you and him?

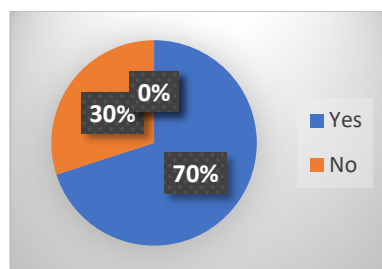

Fig.4.Students' responses towards using certain forms of address

Participants were asked about their opinions if they think that the addressing forms can reflect the relationships between them and their teachers. The majority of them (90 %) agreed that the way being called or addressed by their teachers can certainly mirror your relationship and how power is distributed, some of the participants justified their answers through saying that they feel closer and the distance between them and their teachers is narrow and it gives them a sense of comfort and completion:

(1) *"I feel like when the teacher calls me by my first name, the distance between us is narrow and we are closer to each other".*

(2) *"When my PhD advisor calls me by my first name, I would feel very close."*

(3) *"It means there is a good relationship".*

(4) *"I feel like I have done a good job and the relationship between us is good."*

(5) *"Yes, because being addressed by my first name, makes me feel more comfortable".*

The 10% who agreed that being called in a certain way doesn't reflect anything, and it is just a standard element of politeness that exists in certain settings and must be done:

(6) *"No, it does not affect the relationship in any way, since the forms of address are established by society. and this is more of a politeness and an element of certain norms".*

(7) *"In academic environment, the most important thing in a relationship between lecturer and student is how they transmit and absorb knowledge. The way they address each other is just needed to be proper and polite".*

5. When your teacher talks to you, does he use ты/вы? Which one do you prefer more? Justify why.

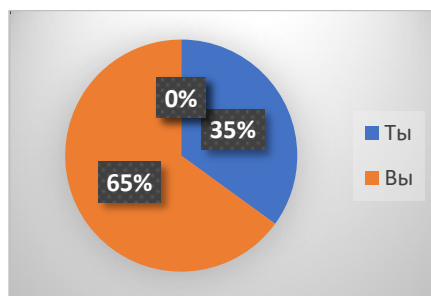

Fig.5. The use Personal pronouns ты/вы in classrooms

The participants were asked to identify the pronoun that the teacher uses in order to address them, 65% of the participants said that their teachers address them with **вы** which is a more formal form of the personal pronoun “you”, while 35% said that their teachers call them using the pronoun **ты** which is less formal. The participants were also asked to identify their favorite pronoun of address and to justify their choices. Some of them preferred the more formal pronoun, saying that it is more respectful and appropriate.

(8) *“I prefer Вы, it keep some distance, so, it is better.”*

(9) *“I prefer Вы, Because I want to get respected”.*

(10) *“I prefer Вы, because it feels like the respect is mutual in the teacher- student relationship.”*

While the others, who preferred the less formal pronoun, they said that it makes them feel closer to their teachers and more comfortable:

(11) *“I prefer Ты, because it feels like he knows me more and there is no huge power gap between us”.*

(12) *“I prefer Ты, because I prefer the relationship between us is less formal”.*

(13) *“I prefer Ты, because I feel much better and more comfortable”.*

This would suggest that, some students prefer to keep distance between them and their teachers, while most of the students prefer to eliminate the distance and to feel more comfortable while communicating with their teachers.

6. Do you feel the urge to address your teacher formally?

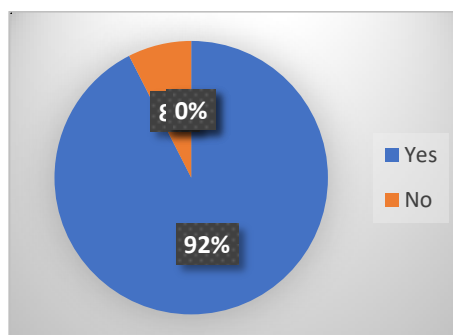

Fig.6. Students' responses towards being formal or informal with their teachers

Participants were asked to identify if they feel the urge to address their teacher formally. Most of them (92%) agreed that they have to address their teacher formally, because of many reasons related to certain factors such as, age, status and academic settings, also to the cultural background:

(14) *“Yes, I have to address my teacher formally, because in my country it is compulsory to address teachers formally. More like a tradition”.*

(15) *“Yes, because I always consider that there is a must to show respect in the way of speaking with teachers.”*

(16) *“Yes, I have to address him formally, Due to the difference in academic degree and age”.*

The 8% who said that they don't feel the urge to address their teachers formally, because they feel so close to their teacher and comfortable, so, they don't have to be so formal with them:

(17) *“My lecturers are friendly and gentle with students; we don't necessarily call them in a formal way all the time”.*

(18) *“The relationship between me and my mentor is both a teacher and a friend”.*

(19) “Because I feel like I will be more comfortable”.

It can be said that the students are aware of the unequal distribution of the power, and is that the teachers are in a higher position than them, that’s why it is necessary for the them to emphasize the distance through the formal address of the teachers.

7. Do you believe that the degree of formality inside the classroom can affect the teacher-student-teacher relationship?

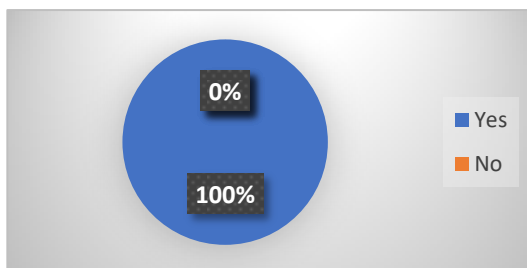

Fig.7. Students’ thoughts about using the degree of formality

Participants were asked to identify whether the degree of formality inside the classroom can affect the teacher-student-teacher relationship. all of them agree that the degree of formality can be a factor that can affect their relationship with their teachers.

This would suggest that the degree of formality inside the classroom has a great effect the teacher-student-teacher relationship, and it also mirrors how the power distance index exists in-classroom-settings, either high or low depending on the degree formality.

8. Are you satisfied with the amount of power given to you by your teacher inside the classroom? Please say why?

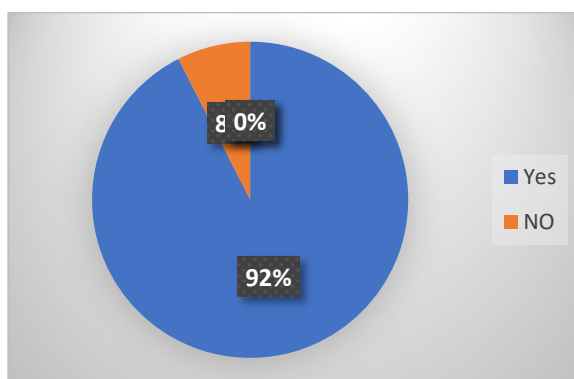

Fig.8. Students’ satisfaction of the amount of power given to them

Participants were asked about their satisfaction of the power given to them by their teachers inside the classrooms, 92 % of them said that they are satisfied and they have no problems with how power is distributed, saying that the teachers are listening to them and giving them the adequate power that they are in need for:

(20) “I’m not the best student in the class, but the teacher still treats us equally and listens to me every time I speak”.

(21) “We need to have hierarchy in classroom, that's why I am ok with the inequality of power, also I am satisfied with the power given to me”.

(22) “I believe that the teacher should have a higher power, and the power given to the students should be less, in order to make sure that everything is under control”.

(23) “I am satisfied with the power given to me, the ability to speak freely, respond and organize other students helps me to develop my leadership skills”.

(24) “Satisfied because I have the opportunity to express my opinion”.

Meanwhile, 8% of the participants weren’t satisfied with the amount of power given to them by their teachers, saying that some of the teachers are giving them negative energy and making them unable to express their thoughts freely which is somehow uncomfortable for them.

(25) “No, no, there are some teachers who only give negative energy, and make me uncomfortable.”

(26) “Because it doesn’t let me be myself and I can't express my thoughts properly.”

It can be said that the amount of power given to the students depends mainly on their teachers and their choice of keeping the relationship more formal or not. Also, it must be noted that the effect of the inequality of the power distribution can have an emotional effect on the students.

9. Do you feel like the teacher has the absolute power inside the classroom? Please, say why.

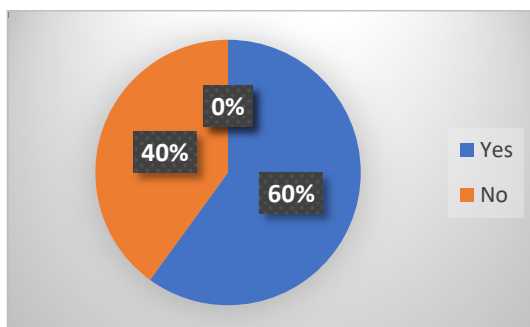

Fig.9. Students' thoughts about the distribution of power

Participants were asked if they think that the teacher has the absolute power inside the classroom, 60 % of them said yes, and said that the teacher has a higher status and he is the controller of the classroom that's why he has the absolute power:

(27) *"Yes, the teacher has the absolute power, because he is in a higher position than the students".*

(28) *"Yes. The teacher is at the top of the entire class. he is the leader".*

(29) *"Yes, because the teacher, by virtue of his position, can tell the students what to do and how to do it".*

Meanwhile, 40% of the participants said that teacher doesn't have the absolute power, he is only an instructor with a slightly higher power than the students, also, due the fact that they are given much freedom and power from their teachers to express their ideas:

(30) *"Our lecturer doesn't seem like showing their absolute power in classes. We focus on the lesson and the way we interact with each other."*

(31) *"Teachers may have more experience and knowledge than students, but students always have the right to express their views and contribute their opinions, not always 100% listening to the teacher."*

(32) *"No, because the teacher let us to participate, students have time to express their ideas about the topic we are talking about. If we have mistaken the teacher clarify them."*

(33) *"I feel like he has slightly higher power than the students. I don't think that there is such a thing as an absolute power."*

10. How do you like the relationship between the teacher and student to be?

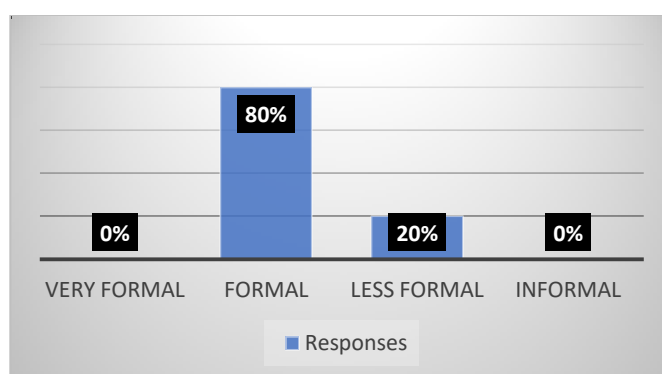

Fig.10. Preferred degree of formality for students

The participants were asked about how the relationship between the teachers and the students should be, the greatest percentage (80%) agree that the relationship should be formal, while 20% said the relationship should be less formal. None of them chose "Very formal" and "Informal".

Those who preferred the relationship to be formal, justified their answers through saying that they want to maintain the respect between them and their teachers, also due to the fact that this is an educational environment and the formality is a must, as well as, due to the teachers' high status:

(34) *“This is a relationship that requires mutual respect. In an educational environment, the relationship between lecturers and students needs a certain solemnity”.*

(35) *“It should be formal in my opinion, because in other way if teacher loses respect of the students, it is harder to lead the class”.*

(36) *“The formal relationship between students and the teacher can affect the overall outcomes of the whole educational process. The less it is the less outcomes are going to be”.*

(37) *“Well, formal because it has some flexibility with rules and protocols, but still emphasizes respect and professionalism”.*

While the others who preferred the relationship between them and their teachers to be less formal, said that would be much comfortable for them and much better to have a friendly atmosphere and that the very formal environment can negatively affect their relationships:

(38) *“Some formality that emphasizes the position of a teacher and a student is needed, but excessive formality only alienates them from each other, which, in my opinion, negatively affects the educational process”.*

(39) *“When teachers and students talk less formally, then the class will be less stressful, students will be more interested in learning, and the transmission of knowledge will also become easier with teachers”.*

(40) *“When relationship is very formal, students can be afraid of teachers. When relationship is less formal, students will be comfortable and enjoy the lessons”.*

Discussion

The results of this research show that the index of power distance has an effect on the student-teacher-student relationships in multicultural classrooms with a different quantification. What must be noted at this research is that all of the students who took part in this paper are from countries with a higher power distance index, which makes it much easier to analyze their opinions and reactions towards certain items related to the classroom settings.

The findings showed that most of the participants prefer to use forms of address such as, Mr./Mrs., Madam/Sir, which is a commonly used form of address in African, Arabic, Latin American and Asian Countries. While those who address their teachers with their first and patronymic names are from the western European countries, especially in Russia, and that’s what was seen through the results. Also, it has been noticed that the majority of the participants have preferred being addressed by their first names by their teacher, which is a great sign that the students enjoy the fact that the index of power distance is lowered and the gap between them and their teacher is much narrow, adding to that, it gives them a feeling of accomplishment and comfort, and this what was confirmed through their responses.

Meanwhile, the findings showed that most of the students prefer being called by their teachers using the formal personal pronoun “**Вы**”, which can be explained through the fact that they consider it as a sign of a respect and positive politeness, but, some of them preferred the less formal personal pronoun “**Ты**” and considered it as a sign of closeness with their instructors, that would provide them with much comfort.

The majority of the students prefer to be formal with their teachers and to address them formally, due to many factors, such as; status, age gap and the academic settings, because as it is agreed upon in all cultures, especially in those with a higher index of power distance, the teacher is considered as a leader in academic settings, and he must be respected and treated formally, that’s why it is always believed that the teacher has the absolute power inside the classroom and this was confirmed by the results of this study. On the other hand, very few students had or have the urge to be formal with their teachers, due to the fact that their teachers have created an environment with a low index of power distance and this made them feel free and more comfortable, even some of them, described their relationship with their teachers as “Friendship” which might sound weird, in spite of the fact that all the participants (students) came from high-power-distance countries. Students were asked last to identify what kind of relationships they prefer to be between them and their teacher, the majority preferred it to be formal due to the fact that would keep the respect intact between them and their teachers, also to emphasize the roles of each of them inside the classroom, as well as to keep control inside the classrooms. Meanwhile, a minority of the participants preferred the relationship to be less formal, so that would create a more of a friendly and comfortable environment for them. None of the participants opted for the informal relationship between them and their teachers.

From the above results and analysis, it can be said that the relationship between the students and the teachers in intercultural classrooms mainly depends on the teachers’ control of the index of the power distance, which implies that the teacher has the control over the kind of the relationships he wants to build with

his students despite their cultural backgrounds. Also, it is noted that the power distance is not just a factor that affects and controls the relationships between the teachers and the students, but also, it can reflect how this relationship is, either characterized with closeness or apartness.

Conclusion

Through this paper, we investigated the effect of power distance index on Student-teacher-student interactions in multicultural classrooms. We aimed to find out the different effects either positive or negative on the student-teacher relationships, and how can power distance acts as an active factor in academic settings. The findings show how cultural background can have a relationship with the overall settings of the classroom, also, how it can be related to the power distance index. This suggests that both learners and educators need to be aware of one another's backgrounds in order to prevent any negative effects that could result in misinterpretation and miscommunications. Since this study was performed on the limited material, its results are preliminary, and further studies are needed. Nevertheless, the findings appear to confirm that the power distance index can have an effect on students-teacher relationships. For teachers involved in multicultural classes, it is distinctly important to be aware of index of power distance and how to control it, in order to prevent negative effects on the students and to create a comfortable emotional atmosphere.

REFERENCES

1. Alshahrani A., Power distance and individualism collectivism in EFL learning environment, Arab World English Journal (AWEJ), vol. 8, 2017, no. 2, pp. 145–159.
2. Biggs J., Learning from the Confucian heritage: so, size doesn't matter?, International journal of educational research, 1998, no. 29(8), pp.723–738.
3. Daniels M. A., Greguras G. J. Exploring the nature of power distance: Implications for micro-and macro-level theories, processes, and outcomes, Journal of Management, 2014, no.40(5), pp. 1202–1229.
4. Hofstede G., Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and Organizations across nations. SAGE, 2001, 616 p.
5. Hofstede G., Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd ed., Inc.; Thousand Oaks, Calif, Sage Publications, 2003, 596 p.
6. Javidan M., House R. J., Cultural Acumen for the Global Manager: Lessons from Project GLOBE. Organ. Dyn.,2001, pp.289–305, doi: 10.1016/S0090-(01)00034-1
7. Kirkman, B. L., Chen, G., Farh, J. L., Chen, Z. X., Lowe, K. B., Individual power distance orientation and follower reactions to transformational leaders: A cross-level, cross-cultural examination. Academy of management journal, 2009, no. 52(4), pp.744–764.
8. Schiller S. Z., Cui J., Communication Openness in the Workplace: The Effects of Medium (F2F and IM) and Culture (US and China), Journal of global information technology management, 2010, no. 13(2), pp.37–75.
9. Spencer-Oatey H., Unequal relationships in high and low power distance societies: A comparative study of ibto-rstudent role relations in Britain and China. Journal of cross-cultural psychology, 1997, no. 28(3), pp.284-302.
10. Wang S., The Impact of Power Distance on Classroom Equity in Second Language Teaching in a Cross-Cultural Communicative Context, In 2022 7th International Conference on Modern Management and Education Technology (MMET 2022), Atlantis Press, 2022, pp. 466–471.
11. Xu J., Du J., Fan, X., Emotion management in online group work reported by Chinese students. Educational Technology Research and Development, 2014, no. 62, pp.795–819.

Лайш С. Влияние показателя дистанции власти на взаимодействие «учитель-ученик-учитель» в поликультурных классах // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 2. С. 14–22.

Laiche S. The effect of power distance index on the student-teacher-student interactions in Multicultural Classrooms, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no. 2, pp. 14–22.

Дата поступления статьи – 15.06.2023; 0,79 печ. л.

Сведения об авторе

Сухила Лайш – аспирант кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов, Москва, Россия; laiche.souhilaa@gmail.com.

Author:

Souhila Laiche, PhD Student, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; laiche.souhilaa@gmail.com.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА О БЕДНОСТИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК)

Аннотация. Поскольку проблема социального неравенства в современной России является одним из самых острых социальных противоречий, изучение восприятия жизни бедными людьми, моделей их поведения приобретает важное научное и прикладное значение. При исследовании ее причин большинство специалистов делает акцент на изучении экономической составляющей, в рамках которой бедность представляется следствием несовершенства экономической, социальной или политической систем в государстве. Помимо этого, бедность рассматривается с культурно-исторических и социально-психологических позиций как система стереотипов, стандартных поведенческих установок и специфическая норма поведения. С учетом того, что бедность присуща любому обществу на всех этапах его развития, в данной статье представлен исторический срез данной социальной проблемы на примере отношения к ней рабочих и крестьян горнозаводского Урала в пореформенный период. Исследование было проведено на основе анализа пословиц и поговорок данного региона, что дало возможность посмотреть на ситуацию «изнутри», глазами самих людей. В ходе исследования автор пришел к выводу, что в условиях постоянной нужды уральские рабочие и крестьяне выработали собственные установки, ценности и стратегии совладающего поведения. Для них было характерно дифференцированное отношение к различным состояниям бедности, в частности, устойчивый негативизм по отношению к нищете и отсутствие сочувствия и сострадания к нищим. По многим позициям наблюдается сходство в отношении к проблеме социального неравенства уральских рабочих и населения современной России. При этом выявлены отличия черт их психологических портретов.

Ключевые слова: бедность, нищета, рабочие, крестьяне, Урал, пословицы, пореформенный период.

Введение

В современном российском общественном сознании проблема бедности, как правило, рассматривается в бинарной связке с богатством, где бедность оценивается как праведная, почти добродетельная, а богатство как сомнительная, общественно осуждаемая характеристика. Такой подход продолжает традиции русской общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. [9, с. 47–48]. Огромное влияние здесь оказывала позиция русской православной церкви, которая длительное время формировала подобное отношение народных масс к проблеме социального неравенства. Не случайно, что именно такие установки народного сознания зафиксированы в фольклоре русского народа, что позволяет специалистам считать их чертами характера русских людей.

С учетом того, что проблема социального неравенства сохраняет свою вневременную актуальность и в России наших дней, для которой характерен значительный контраст в уровне доходов, а задача снижения уровня бедности поставлена в ранг национальных приоритетов, изучение социокультурных и ценностных основ отношения социальных низов к богатству и бедности имеет не только научно-познавательное, но и с учетом их корреляции с состоянием массового сознания современных россиян – практически-политическое значение. Тем более, что некоторые выводы современных авторов расходятся с историческим материалом. В частности, по утверждению Е. И. Бегловой, финансовый успех трактуется бедными как нечто аморальное, противоречащее их ценностям [2]. Между тем, крестьян пореформенной России отличало дифференцированное отношение к разбогатевшим односельчанам. Они относились к ним терпимо, без злобы и зависти, если источник дохода был им понятен и не противоречил их миропониманию. В противном случае восприятие таких людей было крайне негативным.

Выбор темы обусловлен и состоянием историографической ситуации. Изучение проблемы бедности в России начинается с середины XIX в. В основном, она анализировалась как экономическое явление в трудах В. И. Семевского [15], К. А. Пажитнова [13], других специалистов. На уральском материале отдельные сюжеты представлены в работах И. Х. Озерова [12], В. Д. Белова [3], писателей П. П. Бажова [1], Д. Н. Мамина-Сибиряка [7].

В советский период проблема бедности рассматривалась в рамках классового подхода в оппозиции «бедность-богатство», и по мере роста жизненного уровня советских людей интерес исследо-

вателей к ней угасал. Системное изучение проблемы бедности в нашей стране началось в период радикальных экономических реформ 90-х годов XX в., когда она охватила широкие массы населения. Характерной чертой современной науки является изучение данной проблемы на основе полидисциплинарного подхода представителями социологии [5; 8], экономической психологии [16], культурологии [2; 11], этнологии [4; 10], истории [6]. Однако, на материалах пословичного фонда горнозаводского Урала проблематика бедности не рассматривалась. Данными обстоятельствами и обусловлен выбор темы исследования.

Материалы и методы

Пословичный фонд горнозаводского Урала собирался уральскими краеведами во второй половине XIX в. в рамках исследовательского проекта Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), результаты которого публиковались на страницах Записок УОЛЕ, других краеведческих изданий¹. Эта работа продолжалась и в советское время. На ее основе было издано нескольких сборников уральского фольклора². Поскольку эти пословицы собирались на территории горнозаводского Урала, который, по точному замечанию Н. Н. Алеврас, представлял собой локальную культуру, мы ограничиваем свое исследование именно этими пространственно-временными рамками, используя иллюстративный материал указанных сборников.

Методологический инструментарий статьи обусловлен нахождением данной проблематики в исследовательском пространстве таких направлений исторической науки как социальная история и история повседневности. Для объективного изучения проблемы мы используем комплексный подход, сочетающий проведение микроаналитических срезов в контексте развития социальных макропроцессов.

С учетом выбранных подходов оптимальным средством решения данной проблемы является взгляд на нее «изнутри», глазами рабочих и крестьян. Поэтому выбор источников определялся прежде всего их рабоче-крестьянским происхождением. Помимо этого критерия, пословицы на протяжении долгого времени формировали установки массового сознания, его ценности, являлись элементом социализации молодого поколения [14, с.18], что дает основание считать отношение социальных низов к бедности и выявленные на основе их анализа типичные способы рефлексии исторически длительными феноменами.

Особенностью пословиц как жанра фольклора является их необыкновенная многозначность и противоречивость, что повышает источниковедческую требовательность к их изучению. Поэтому основным методом исследования выбран историко-лингвистический анализ, позволяющий снизить элемент субъективизма, присущий традиционным методам исторических изысканий, и повысить уровень научной верификации исследуемого материала.

Критерии бедности

Об огромном интересе уральских рабочих и крестьян к теме определения социального состояния каждого слоя общества свидетельствует внушительное число актуализируемых в речи пословиц и поговорок, посвященных данной проблеме. Подавляющее большинство из них отражает различные аспекты оппозиции «бедность – богатство».

Прежде всего, бросается в глаза количественное преобладание «бедных» пословиц и поговорок, что свидетельствует о массовом характере бедности среди уральских рабочих и крестьян и об их обеспокоенности этой проблемой.

¹Александров Д.А. Слова простонародной речи в Пермской губернии: пословицы, поговорки и приметы // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1895. Т. XV. Вып. 2. С. 12-19; Некрасов П.А. Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости Соликамского уезда Пермской губернии // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1901. Т. XXII. С. 36-48; Олесов В.Г. Сборник пословиц и поговорок, записанных в Камышловском уезде // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1884. Т. VII. Вып.4. С. 14-22; Панаев Ф.Н. Сборник пословиц, поговорок, загадок, песен и былин, собранных в Соликамском уезде // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1883. Т. VI. Вып. 3. С. 21-34; Панаев Ф.Н. Слова, пословицы, поговорки, приметы и песни, записанные в Пермском уезде // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1890-1891. Т. XII. Вып. 2. С. 14-27; Первухин П.О. Песни, святочные гадания, поговорки и суеверия, собранные в Катайской волости Камышловского уезда Пермской губернии // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1895. Т. XV. Вып. 1. С. 74-87; Ярков В.П. Народные слова, пословицы, поговорки, приметы, записанные в Сысертском заводе // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1985. Т. XV. Вып. 1. С. 14-17.

²Аргентов Т. Из пословиц и поговорок населения города Кунгура // Кунгурско-Красноуфимский край. Кунгур, 1925. № 11-12. С. 3-6; Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск: ОГИЗ, 1936. 368 с.; Крылатые слова на Урале. Свердловск: Кн. изд-во, 1960. 301 с.; Попов В. Из народного творчества Кунгурского края // Кунгурско-Красноуфимский край. Кунгур, 1925. № 8-10. С. 4-7; Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Свердловск: Кн. изд-во, 1953. 289 с.

Анализ пословичного фонда показывает, что под бедностью понимается наличие минимума материальных благ и финансовых средств, являющихся основой для выживания, их хронический дефицит: *Часом – с квасом, порой – с водой; Сухари да корки, на ногах – опорки; Купил бы, да купилки-то нет; Купил бы сало, да денег мало; Богач – хватит на калач; Говорят, что город да город, а /мне/ не на чего и калач купить.*

Одной из основных причин бедности народное сознание рабочих и крестьян считает многочисленность семей и связанную с ней необходимость кормить большое число иждивенцев: *Где беднота, там и семья; Богатому телята, а бедному ребята; У бедного ребята да котята, у богатого – телята да жеребята.*

Пути выхода из бедного состояния народное сознание считает честный труд, бережливость, умеренность и удачу (*Не было ни гроша, да вдруг алтын*).

Выделяется устойчивая группа высказываний, в которых труд определяется как главный способ достижения выделенных целей: *Не поносишь плаченого, не увидишь и злаченого; По заре люди копеечку наживают; Пошла работа – повалили деньги; Богатство – дело наживное; Деньги – дело наживное.*

В отдельных высказываниях содержится прямое указание на труд как главное средство преодоления бедности (*Пошла работа – повалили деньги*), однако большинство пословиц говорит об этом метафорически, посредством глагола *наживать* в значении «зарабатывать своим трудом» или производных отглагольного прилагательного *наживное*. В метафорическом высказывании *Не поносишь плаченого, не увидишь и злаченого* смысл выражения складывается из противопоставления переносных значений отглагольных прилагательных *плаченого* (от слова *плакать*) и *злаченого* (от слова *золотить*), равно как и противопоставления переносных значений глаголов *поносишь* («потрудиться до пота») и *увидишь* («достичь материального благополучия»). Сгущение в одном высказывании отглагольных частей речи усиливает общий смысл ориентации на деятельность, процесс приобретения достатка.

Вместе с тем, ситуация длительной хронической бедности приводила к формированию других установок массового сознания. Прежде всего, это осознание того, что честным трудом выбраться из нее практически невозможно: *Не посадишь душу в ад, не будешь богат; Не продашь душу в ад, не наживешь каменных палат; От трудов праведных не наживешь палат каменных.* Другими словами, бедность становится платой за христианский, нравственный выбор способов достижения материального благополучия.

Еще одним следствием вечной борьбы за выживание (*Бьется как рыба об лед*) становилось формирование психологии социального аутсайдера: *С сильным не дерись, а с богатым не тяжись.* Другим исходом неравной борьбы с жизненными трудностями могли стать пораженческие установки, предполагающие жизнь одним днем: *Маши на все гроши, пляши на все полушки.* В пословицах и поговорках открыто признается, что бедность часто лежит в основе физического, а иногда и психического нездоровья: *Богатство ум рождает, а нужда щеки вяжет; Богатство ум рождает, а бедность последний отнимает; От доброго жилья толстеют, а от дурного худеют.*

«Больше волос нечего взять»: нищета как проявление бедности

В других устойчивых высказываниях под бедностью понимается полная нищета как крайняя форма данного социального состояния, характеризующаяся полным отсутствием материальных и финансовых средств: *Из кулька в рогожку перебиваться /перебиваемся/; Нужда за нуждой нужду погоняет; Ни пить, ни есть, ни по душу подать; И зубы на полку; Гол, как липка; Больше волос нечего взять; В одном-то кармане – вошь на аркане, в другом – блоха на цепи; И хлеба ни копейки, и денег – ни куска; Дожил до тюки крайности: ни хлеба, ни муки.*

С учетом теории относительной депривации грань между бедностью и нищетой порой трудноуловима, но пословицы выделяют главный критерий нищенского состояния – перманентное голодное или полуголодное существование людей, единственным смыслом жизни которых становятся поиски пропитания: *Голодный откусил бы и от камня; Был бы хлеб, а зубы сыщутся; Голод – лучший повар; Наша невестка хоть что трескает; Голодной куме все хлеб на уме; Хлеба есть край, так и под елью рай.*

При этом качество пищи для нищего человека, находящегося на грани выживания, не имеет значения: *Что бросают, то и подбирают; Голодному Федоту пустые щи в охоту; Брюхо не стеклянное, чем хочешь набей – /не видно/. Одним из следствий скудного и нерегулярного питания часто становилось обжорство и переедание, когда появлялась возможность поесть досыта: *Дай Бог проми-**

гаться - больше не буду так наедаться; Не ел, так не мог, поел, так без ног; Наша невестка хоть что трескает: хоть мед, да жрет.

В целом, понять образ жизни и установки сознания нищего человека, по сути, изгнанного из общества, может, по логике пословиц и поговорок, только тот, кто сам пережил подобное социальное состояние: *Сыт(ый) голодного не понимает; Сыт голодному не верит; Богатый нужному не верит.*

Несмотря на то, что нищета является крайним проявлением бедности как социального состояния людей – по существу они представляют собой однопорядковые явления, в пословицах проводится четкая разграничительная линия между ними, что отражало дифференцированное отношение народного сознания к этим явлениям. Во-первых, оно выражалось в откровенно критической рефлексии к нищенству, основанной на моральных критериях.

Прежде всего, пословица обнаруживает тесную связь нищенства с различными формами девиантного поведения, в том числе с преступностью (*Бедность не грех, а до греха доводит; Денег много - великий грех, денег мало /нет/ - грешней и того; Поневоле станешь вором; У голодного брюха нет уха;*), а его основной формой является попрошайничество: *Брошен собаке кусок мяса: береги хоть на день, хоть на год.*

Нищий человек не участвует в социально-экономическом развитии страны, общественной жизни, поскольку не только не в состоянии платить налоги и прокормить самого себя, но и находится в состоянии изгоя: *Больше волос взять нечего; С голого-то солдата пуговку не сорвешь; С голого – что со святого; Голоден, холоден – царю не слуга.*

Пословицы указывают на негативное влияние нищеты на духовное состояние человека, снижение его нравственного порога, деградацию личности, утрату человеческого достоинства: *Хлеба ни куска и в горнице тоска; Бедность и мудрого смиряет; Тоска - не выпустил бы изо рта куска; Отложки стыд - будешь сыт; Велика честь, коли нечего есть; Богатство ум рождает, а бедность последний отнимает; Голодное брюхо к учению глухо; возникновение озлобленности: Либо всех грызи, либо лежи в грязи.*

Стратегии совладания

Длительное и устойчивое нахождение в состоянии бедности и ее негативное влияние на психическое состояние человека неизбежно влекли за собой потребность в формировании особых социально-психологических практик достижения морально-психологического комфорта и душевного равновесия личности, которые в современной психологии описываются в рамках техник совладающего поведения.

Их общепринятыми языковыми средствами для рабочих и крестьян являлось использование юмора, иронии при характеристике своего положения как средства самодоказательства своей жизненной стойкости и готовности к любым ударам судьбы: *Не тужи, у кого ременные гужи; у нас мочальные, мы стерпим; Чай бы был, чай бы пил, только чая-то нет; Живо пельмеша – а ни муки, ни мяса; Часом – с квасом, порой – с водой.*

Для минимизации негативного влияния неблагоприятной внешней среды и психологической защиты в регулярных стрессовых ситуациях рабочие и крестьяне использовали технику компенсации. В пословицах и поговорках она реализовывалась за счет утверждения личного достоинства и высокой самооценки: *Не лаптем щи хлебаем; Не последняя спица в колесе; Я тебе не из трех тряпочек шит; И моя кошечка не щербата; Не левой рукой богу молимся; Я сам атаман; Я не такой, как ваши за рекой; На что нам деньги – мы сами золото.*

Для поддержания высокого жизненного тонуса и психологической защиты от неблагоприятных внешних воздействий пословицы учили рабочих и крестьян стойкости, не сгибаться под ударами судьбы, самообладанию в самых критических ситуациях, сохранять оптимизм и веру в свои силы: *Живем не тужим, никого не хуже; Что нам плакать, когда у нас лапоть?; Тогда и печалиться, когда измочалится; Глаза смеются, а сердце плачет; Это горе нам не горе, мы привыкли с горем жить; Умирать, так с музыкой; Жить хорошо – хорошо. Но и уже не хуже; Живи в конюшне, кашляй по-горничному.*

Другой стратегией совладания современная психология выделяет механизм обесценивания. Одним из его приемов является минимизация собственных промахов и неудач, оправдание своих слабостей ссылками на греховность человеческой природы, сочетающей в себе и ангельское, и дьявольское: *Кто богу не грешен, кто царю не виноват?; Огонь без дыма, человек без греха не бывает; Грех да беда с кем не живут; От бога-то – грешны, от людей – смешны; Человек не ангел; С людьми все бывает.*

Еще одним способом проживания неблагоприятных житейских ситуаций с наименьшими моральными и психическими потерями являлось сформированное православной традицией и психологией выживания стойкое отношение к страданию и равенство всех людей перед ним, которое пословицы транслировали путем воспитания фаталистического, бесстрастного отношения к жизненным невзгодам, потерям и приобретениям: *Бог дал. Бог взял; Беда не по лесу ходит, а по людям; Не радуйся – нашел, не тужи – потерял; Пролито полно не живет; Великое дело – село сгорело! Деревни горят, и то ничего не говорят.*

Еще одной техникой обесценивания, зафиксированной в пословицах горнозаводского Урала, являлось нивелирование, сведение на нет достижений других людей, типичной фигурой которых являлись богатые люди. В духе православной традиции это достигалось путем констатации криминальных источников их обогащения и наделения состоятельных людей такими недостатками как привычка наживаться за чужой счет, нравственная и душевная «глухота», высокомерное, грубое отношение к стоящим ниже на социальной лестнице, ложь и обман в межличностных отношениях, неспособность к состраданию и отсутствие угрызений совести.

В целом, стратегии совладания рабочих и крестьян были нацелены на повышение субъективной самооценки и снижение негативных эмоций, что было обусловлено их длительным нахождением в состоянии бедности, которая приобрела хронический характер, и психологией аутсайдера. Наряду с позитивными функциями совладания пословицы ориентировали рабочих и крестьян на приспособленческие стратегии и тем самым способствовали формированию общественной пассивности, фатализма, психологически блокировали пути продуктивного решения проблем путем устранения или минимизации их источников, что способствовало консервации существующих порядков.

Заключение

В пословицах и поговорках уральских рабочих и крестьян бедность представлена как срединное состояние между двумя крайними полюсами материального состояния – богатством и нищетой. Отношение к ним характеризуется открытым неприятием и негативизмом.

Критерием нищенства является полное отсутствие элементарных материальных благ (пищи, одежды, жилья), выраженное формулой *Больше волос нечего взять*, и голодное существование. Наряду с материальным фактором отграничение бедности от нищеты проводится по морально-нравственным основаниям: негативно-разрушительное воздействие нищеты на человеческую личность, с одной стороны, ведущее к таким асоциальным явлениям как попрошайничество, различные формы девиантного поведения, утрата человеческого достоинства, и сохранение бедными высоких морально-волевых качеств, с другой стороны. В целом, грань между этими состояниями тонка, подвижна, порой малоразличима, но характеризуется резко отрицательным отношением к нищете и более уважительным к бедности.

Анализ пословиц и поговорок уральских рабочих и крестьян, посвященных состоянию бедности, показывает отсутствие в них сочувствия и сострадания, что традиционно считается характерными чертами русских людей. На эту же черту психологии русских крестьян, для которых человек, обнищавший из-за своей лени не вызывал ни малейшего сочувствия, а человек, разбогатевший в результате своего трудолюбия, напротив, достоин уважения, указывает М. М. Громыко [6, с. 678]. В этой связи тезис Е. И. Бегловой о том, что основу российской культуры бедности составляет сочувственное отношение к бедным требует корректировки.

Современные исследования показывают, что многие характеристики бедности, сформулированные в пословицах уральских рабочих, актуальны и для России начала XXI в. По-прежнему, большая часть несостоятельных людей не считает добросовестный труд гарантированным источником материального достатка. Их отношение к богатым и бедным характеризуется теми же категориями, что и в конце XIX – начале XX в.: скупость и жадность для первых, доброта, терпение, совесть, законопослушание, трудолюбие для вторых [5, с. 17]. При этом отношение к бедным в современном российском обществе начинает эволюционировать от самого факта бедности к выявлению ее причин, в связи с чем вектор общественного мнения переходит от сочувственного к критическому отношению к бедным, а три четверти признающих себя таковыми говорят о чувстве неловкости и стыда из-за своей бедности [8, с. 48]. До революции, как можно было заметить из приведенных примеров, бедных отличал более высокий уровень самооценки.

С позиций современной психологии бедность как социально-психологическое состояние характеризуют такие особенности, как фатализм, внешний локус контроля и поиск виноватых и ответственных за личные беды вовне, стереотипное мышление, заниженная самооценка, пассивность и

лень, неумение обращаться с деньгами. Проведенный анализ показывает, что не все они были присущи уральским рабочим. Это касается, в частности, таких черт, как уровень самооценки, трудовая этика. Пословицы и поговорки указывают, что бедные люди, в отличие от нищих, сохраняют не только человеческое достоинство, но и особый кодекс чести низших слоев общества, который выражается формулой *Беден, да честен, гол, да не вор*, а экстремальные условия существования становятся для них элементом социализации, в процессе которой формируются такие качества личности, как смелка, выдержка, природная хватка и расчетливость – *Голь мудра, голь хитра, голь на выдумки пошла*.

Вызывает сомнения и внешний локус контроля, поскольку помимо многодетности семей пословицы не указывают на другие причины бедности. Этот факт, в свою очередь, можно рассматривать как психологическое укоренение бедности в картине мира рабочих крестьян, в результате чего социальные низы сформировали определенные взгляды и нормы поведения, стратегии совладания, словом, то, что в современной социологии определяется как субкультура бедности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажов П. П. Уральские были // Соч.: в 3 тт. Москва : Правда, 1986. Т. 3. С. 5–77.
2. Беглова Е. И. Социокультурные особенности феномена бедности в России // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-osobennosti-fenomena-bednosti-v-rossii> (дата обращения: 26.04.2023).
3. Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. Санкт-Петербург : Типография Исидора Гольдберга, 1896. 177 с.
4. Бурькин А. А. Богатство и бедность в фольклоре обско-угорских народов // Вестник угроведения. 2016. №1. С.67–82.
5. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Богатство и бедность в представлении россиян // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 16–22.
6. Громыко М. М. Традиционный нравственный идеал и вера // Русские. Москва : Наука, 1999. С.673–698.
7. Мамин-Сибиряк Д. Н. Сестры. Очерк из жизни Среднего Урала // Собр. соч.: В 10 тт. Москва Правда, 1958. Т. 1. С. 39–136.
8. Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. 2016. № 2. С.37–66.
9. Марцинковская Т. Ю. Русская ментальность и её отражение в науках о человеке. Москва : Агентство «Блиц», 1994. 155 с.
10. Миненко Н. А. Фольклор и этические традиции русских крестьян Сибири (по материалам XVIII в. – 60-х годов XIX в.) // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии /отв. ред. Л. М. Русакова, Н. А. Миненко. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С.41–65.
11. Могилевская Г. И. Богатство и бедность как социокультурные феномены в контексте русской духовности // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 1825–1827.
12. Озеров И. Х. Горные заводы Урала. Москва : тип. т-ва И.Д. Сытина, 1910. 253 с.
13. Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. Санкт-Петербург : Новый мир, 1906. 389 с.
14. Пушкарев Л. Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII-XVIII вв. Москва : Наука, 1994. 192 с.
15. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. 1-2. Санкт-Петербург : Тип. Товарищества «Общественная Польза», 1888. Т. 1. 517 с.; Т. 2. 625 с.
16. Хашенко В. А., Шибанова Е. С. Представления о богатстве и бедности в различных социально-экономических условиях жизни: региональный аспект // Проблемы экономической психологии. Том 2 /отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. Москва, Институт психологии РАН, 2005. Т. 2. С. 476–510.

Yu. D. Korobkov (Magnitogorsk, Russia)

REPRESENTATIONS OF WORKERS AND PEASANTS OF THE MINING URALS ABOUT POVERTY IN THE POST-REFORM PERIOD (BASED ON PROVERBS AND SAYINGS)

Abstract. Taking into account the severity of the problem of social inequality in modern Russia, the study of the life perception by the poor, their behaviour patterns acquires important scientific and applied significance. When investigating its causes, most specialists focus on the study of its economic component, in which poverty appears to be a consequence of the imperfection of economic, social or political systems. In addition, poverty is viewed from cultural-historical and socio-psychological positions as a system of stereotypes, standard behavioral attitudes and a specific

norm of behaviour. Taking into account the fact that poverty is inherent in any society at all stages of its history, this article presents a historical cross-section of this social problem on the example of such an attitude among workers and peasants of the mining Urals to it in the post-reform period. The study was conducted basing on the analysis of proverbs and sayings of this region, which made it possible to look at the situation "from the inside", through the eyes of the people themselves. In the course of the study, we came to the conclusion that in conditions of constant need, Ural workers and peasants have developed their own attitudes, values and strategies of coping behaviour. They are characterized by a differentiated attitude towards various states of poverty, in particular, persistent negativism towards poverty and a lack of empathy and compassion for the poor. In many positions, there is a similarity in the attitude towards the problem of social inequality of the Ural workers and the population of modern Russia. At the same time, differences in the features of their psychological portraits were revealed.

Keywords: poverty, workers, peasants, the Urals, proverbs, post-reform period.

REFERENCES

1. Bazhov P. P. Ural'skie byli, Soch.: v 3 tt. Moscow, Pravda, 1986, vol. 3, pp. 5–77.
2. Beglova E. I. Sotsiokul'turnye osobennosti fenomena bednosti v Rossii [Elektronnyi tekst], Russian Journal of Education and Psychology, 2012, no. 9, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-osobennosti-fenomena-bednosti-v-rossii> (accessed 26 April 2023).
3. Belov V. D. Istoricheskii ocherk ural'skikh gornykh zavodov, Saint Petersburg, Tipografiya Isidora Gol'dberga, 1896, 177 p.
4. Burykin A. A. Bogatstvo i bednost' v fol'klоре obsko-ugorskikh narodov, *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 1, pp. 67–82.
5. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. Bogatstvo i bednost' v predstavlenii rossiyan, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2004, no. 3, pp. 16–22.
6. Gromyko M. M. Traditsionnyi nraivstvennyi ideal i vera Russkie, Moscow, Nauka, 1999, pp. 673–698.
7. Mamin-Sibiriyak D. N. Sestry. Ocherk iz zhizni Srednego Urala, *Sobr. soch.: V 10 tt.* Moscow, Pravda, 1958, T. 1, pp. 39–136.
8. Mareeva S. V., Tikhonova N. E., *Bednost' i sotsial'nye neravenstva v Rossii v obshchestvennom soznanii*, Mir Rossii, 2016, no. 2, pp. 37–66.
9. Martsinkovskaya T. Yu. Russkaya mental'nost' i ee otrazhenie v naukakh o cheloveke, Moscow, Agentstvo «Blits», 1994, 155 p.
10. Minenko N. A. Fol'klор i eticheskie traditsii russkikh krest'yan Sibiri (po materialam XVIII v. – 60-kh godov XIX v.) // Traditsionnye obryady i iskusstvo russkogo i korennykh narodov Sibiri / Akad. nauk SSSR, Sib. otd-nie, In-t istorii, filologii i filosofii /otv. red. L. M. Rusakova, N. A. Minenko, Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 1987, pp. 41–65.
11. Mogilevskaya G. I. Bogatstvo i bednost' kak sotsiokul'turnye fenomeny v kontekste russkoi dukhovnosti, *Molodoi uchenyi*, 2015, № 11, pp. 1825–1827.
12. Ozerov I. Kh. Gornye zavody Urala, Moscow, tip. t-va I. D. Sytina, 1910, 253 p.
13. Pazhitnov K. A. Polozhenie rabocheho klassa v Rossii, Saint Petersburg, Novyi mir, 1906, 389 p.
14. Pushkarev L. N. Dukhovnyi mir russkogo krest'yanina po poslovitsam XVII-XVIII vv., Moscow, Nauka, 1994, 192 p.
15. Semevskii V. I. Krest'yanskiy vopros v Rossii v XVIII i pervoi polovine XIX v., tt. 1-2, Saint Petersburg, Tip. Tovarishchestva «Obshchestvennaya Pol'za», 1888, T. 1, 517 p.; T. 2, 625 p.
16. Khashchenko V. A., Shibanova E. S. Predstavleniya o bogatstve i bednosti v razlichnykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh zhizni: regional'nyi aspekt, *Problemy ekonomicheskoi psikhologii*, T. 2 /otv. red. A. L. Zhuravlev, A. B. Kupreichenko, Moscow, Institut psikhologii RAN, 2005. T. 2. pp. 476–510.

Коробков Ю. Д. Представления рабочих и крестьян горнозаводского Урала о бедности в пореформенный период (по материалам пословиц и поговорок) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 2. С. 23–29.

Korobkov Yu. D. Representations of Workers and Peasants of the Mining Urals about Poverty in the Post-Reform Period (Based on Proverbs and Sayings), *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no. 2, pp. 23–29.

Дата поступления статьи – 15.05.2023; 0,79 печ. л.

Сведения об авторе

Коробков Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Россия; n.kyakkinen-56@yandex.ru.

Author:

Yuriy D. Korobkov – Doctor of Sciences in History, Professor at the Department of World History, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; n.kyakkinen-56@yandex.ru

ЦЕНА УЧАСТИЯ В ПРОТЕСТНОМ ДВИЖЕНИИ УЧЕНИЦ УРАЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье исследуется проблема последствий политизации учащейся молодежи во второй половине XIX в., происходившей в России под влиянием роста революционно-демократического движения. В этой связи основное внимание в статье уделяется действиям государства и школы по минимизации влияния революционных идей на молодежь и недопущению ее вовлечения в протестное движение. Исследование проводилось в отношении такой социальной группы, как девушки – ученицы средних общеобразовательных заведений Урала. К главным направлениям школьной политики властей авторы относят строгую систему школьного и внешкольного надзора за поведением и учебой школьников; организацию деятельности попечительских советов при женских учебных заведениях; повышенное внимание к женской школе со стороны членов Императорской семьи, способствовавшее формированию верноподданических настроений у учениц; усиленное внимание власти к религиозно-нравственному воспитанию учениц как фундаменту их мировоззрения и основе политической благонадежности. В целях реализации данной государственной политики при учебных заведениях строились храмы и церкви, вводилось преподавание не только православного, но и римско-католического и иудейского вероучения. Результатом этого стало преобладание академических выступлений учениц и минимальное их участие в политических акциях. Авторы предлагают свое понимание в определении цены участия представительниц средних учебных заведений императорской России в антиправительственном движении второй половины XIX в., которое заключается в том, что на Урале женские учебные заведения не платили «политическую цену» за участие девушек-учениц в протестном движении, ограничиваясь «школьной ценой».

Ключевые слова: учащаяся молодежь, средняя школа, протестное движение, «цена политическая» «цена школьная».

Введение

Сегодня учащаяся молодежь в нашей стране становится объектом манипуляции со стороны иностранных агентов и экстремистских групп с целью вовлечения в антиправительственную деятельность и дальнейшего использования их в качестве инструмента разрушения отечественной государственности. В этой обстановке изучение исторического опыта противодействия государства и общества подобным действиям в прошлом приобретает особенное значение.

Изучение зарождения и развития женской средней школы Урала началось на рубеже XIX–XX вв., результатом чего стала публикация как обобщающих работ [2], так и юбилейных изданий по истории отдельных учебных заведений¹. Преобладающим подходом советской историографии было рассмотрение народного образования с точки зрения негативного воздействия на учащуюся молодежь политики самодержавия и, как следствие, участие молодых людей в разных формах протестного движения. Данный подход проецировался и на историю женской школы [9; 11].

Для постсоветской историографии характерно расширение интереса к истории образования в целом, и женского, в частности, как на общероссийском уровне, так и на региональном. Эта тенденция отразилась и на уральской историографии. Значительно расширилась тематика исследований, и появились работы, рассматривающие разные уровни женского образования: общеуральский [8], губернский [1; 5], отдельных учебных заведений [4]. Вместе с тем, многие сюжеты по истории женского среднего образования на Урале, в том числе основные направления охранительной политики власти в средней школе, требуют дополнительного исследования, что и определило выбор темы статьи.

В основе источниковой базы исследования лежат официальные отчеты министерства народного просвещения и учебных округов, которые содержат обобщающий материал по состоянию женской школы в целом и дисциплины ее учащихся, в частности. Поскольку в рамках охранительной политики самодержавия данному аспекту школьной жизни уделялось повышенное внимание, это нашло свое отражение в отчетах соответствующих структур, что повышает историческую ценность научных публикаций в указанном направлении.

Исследовательское поле данной статьи находится в пространстве таких аспектов исторической

¹ Алфеев И. Исторический очерк Уфимского епархиального женского училища с 1862 по 1912 гг. / сост. чл. делопроизводитель свящ. Иоанн Алфеев. Уфа : тип. «Сеятель», 1913. 48 с.; Маринская женская гимназия в Перми к пятидесятилетию юбилею : 1861-1910 : [Ист. очерк и обзор деятельности]. Пермь: [Б. и.], 1913, 149 с.

науки как социальная история и история повседневности. Для объективного анализа поставленной проблемы, успешного решения исследовательских задач на принципах научной достоверности наряду с общенаучными методами анализа и синтеза, индукции и дедукции используются историко-сравнительный и историко-типологический методы.

Результаты и дискуссия

Участие учащейся молодежи в протестном движении во второй половине XIX в. в современной науке часто оценивается через категорию «цены», которая подразделяется на «школьную» и «политическую», и является разновидностью появившегося в отечественной литературе в 90-е гг. XX в. понятия «цена исторического события» [3; 6; 10; 12]. «Цена школьная» не выходит за рамки последствий, за которые платят участники образовательного процесса и их семьи. Сюда могут быть включены следующие издержки: отсутствие интереса к учебной работе, падение школьной успеваемости и дисциплины, ухудшение отношений между учителями и учениками, снижение авторитета педагогов, конфликты в семье и т. д. «Цена политическая» неизмеримо выше, поскольку она касается всего общества и государства. Здесь следует говорить об участии молодежи в радикальных и экстремистских группах, антиправительственных выступлениях, которые приводят к росту социально-политической конфронтации, непримиримости, использованию насилия как средства разрешения политических противоречий, снижению уровня правопорядка [7].

Ведущим трендом советской историографии являлась тенденция к политизации протестного движения учащейся молодежи и преувеличению роли представительниц прекрасного пола в нем. Однако анализ отчетности учебных округов и руководства женских гимназий о поведении своих учениц свидетельствует о том, что ситуация была другой: гимназистки гораздо меньше, чем представители мужских учебных заведений, были вовлечены в политические выступления. В частности, в отчете Попечителя Оренбургского учебного округа за 1880 г. отмечалось, что отметку «3» за поведение имели только 5 учениц из 2173 воспитанниц. Средний балл по поведению во всех женских средних учебных заведениях округа составлял 4,96. Проступки учениц не выходили за рамки обыкновенных школьных шалостей, за которые им делали замечания или, что было редким, объявляли выговоры и снижали баллы за поведение. За самые серьезные проступки, как например, «уклонение от уроков и прогулки в это время на бульваре в сопровождении молодых людей» учениц Уфимской женской гимназии грозило исключение из учебного заведения. В 1884 г. в Оренбургском учебном округе, по данным министерства народного просвещения, была исключена одна ученица². Для сравнения, в Одесском учебном округе таких учениц оказалось 31. В 1885 г. поведение 92,2 % учениц России было аттестовано высшим баллом «5». В Казанском учебном округе, куда входила «неспокойная» Вятская губерния, «5» имели 99 % учениц.

Этому способствовал целый ряд обстоятельств: внимание к женской школе со стороны государства и лично особ императорской семьи (с 1858 года «Государыня Императрица приняла женские гимназии и прогимназии под Свое Высочайшее покровительство»³ более строгий порядок в школе, деятельность попечительских советов, которых не было в мужских средних учебных заведениях, русский национальный православный характер воспитания в учебных заведениях с учетом этнических и религиозных особенностей представительниц других народов. Женская школа была менее подвержена антиправительственной агитации, что значительно снижало возможности участия ее представительниц в революционном движении.

Если говорить о региональных особенностях, то к общероссийскому контексту следует добавить, что в 60–70-е гг. XIX в. протестное движение на Урале только зарождалось и не распространялось на женское среднее образование. Это позволило формировать политику противодействия распространению революционной стихии в школе, одним из главных направлений которой было усиление религиозного образования и воспитания учениц. С этой целью еще в 60-е гг. XIX в. Министерство народного просвещения для искоренения «умствования» предписало улучшить учебно-воспитательную работу путем усиления религиозного компонента.

Формирование нравственной личности было важнейшей задачей гимназической подготовки, а использование средств религиозного воспитания считалось наиболее эффективным способом ее

²Извлечение из Всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1884 г. // Россия. М-во народного просвещения. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения... Санкт-Петербург, [Б. и.], 1833-1903. – 1887, с. 120.

³ Обзор деятельности Министра Народного Просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 1863 и 64 годах. Санкт-Петербург: [Б. и.], 1865, с. 265.

решения. Остальные средства при этом не исключались, но все же носили подчиненный характер. Поэтому учебные заведения должны были обеспечить участие гимназисток в религиозной жизни, наиболее важным внешним проявлением которой является посещение храмов. С этой целью, например, в 90-е гг. XIX в. в Пермской Мариинской женской гимназии был построен свой храм, который вмещал более тысячи человек. С вводом этой церкви администрации, педагогическому коллективу стало легче воздействовать на религиозно-нравственные чувства учениц⁴.

В целом, с середины 1890-х гг. строительство религиозных сооружений при школах приняло повсеместный характер. Это позволило государству принять решение о преподавании в женских средних учебных заведениях России римско-католического вероучения для учениц-католичек. В 1899 г. подобное решение было принято и по отношению к ученицам иудейского вероисповедания.

Одним из ключевых направлений школьной политики государства стало введение в преподавание школы Закона Божьего. В отчете Министерства Народного Просвещения читаем: «*Как меру, содействующую к усилению учебно-воспитательного значения женских гимназий, можно указать на введение, с разрешения Министерства Народного Просвещения, преподавания закона Божия в VIII классе...*»⁵. В результате воспитание религиозно-нравственных чувств, которое требовалось от школы обществом и семьей, стало носить ежедневный характер.

Внимание к поведению учениц было важнейшим фактором, позволявшим школе и государству контролировать процесс формирования личности девушек и минимизировать влияние на них разрушительных идей. Вследствие роста революционного движения в 90-е гг. XIX столетия и для предотвращения его влияния на поведение учениц государство продолжало совершенствовать школьную политику, главным направлением которой были усиление регламентации школьной и внешкольной жизни и надзор за поведением учениц. Успехи, достигнутые в беспокойные 80-е гг. XIX в., когда сотни и тысячи школьных проступков были сведены к единичным случаям, легли в основу таковых успехов в конце XIX в. – начале XX в.⁶

Наглядное представление об основных направлениях такой политики дает Всеподданнейший отчет Министра народного просвещения в 1895 г.: «*Обычные школьные порядки в течение целого учебного дня строго соблюдаются и учащими и учащимися: ученицы находятся под постоянным наблюдением классных надзирательниц не только в гимназиях во внеурочное время в коридорах и даже в классах во время уроков, но и вообще во всех тех случаях, где ученицы бывают в массе: в церкви, театре, общественных гуляниях, торжественных собраниях. Не ускользает от внимания начальниц и надзирательниц и домашняя жизнь учениц: болезнь, пропущенные уроки, какая-либо неисправность в приготовлении урока, письменной работы, костюма, всякий поступок, показавшийся с какой-либо стороны необычным в ученице – всё это служит надзирательнице достаточным поводом ближе познакомиться с домашней обстановкой ученицы, вызвавшей в ней какую-либо перемену или к лучшему, или к худшему*»⁷.

Это приносило свои плоды. В отчете Министра народного просвещения в 1894 г. отмечалось, что «*поведение учениц женских средних учебных заведений за отчетный год заслуживает безусловной похвалы и может питать лишь отрадные чувства*»⁸. Заслуживающим «*полной похвалы*» оценивал министр народного просвещения поведение учениц женских учебных заведений во Всеподданнейшем отчете за 1902 г.⁹

Оценки высшего образовательного ведомства полностью подтверждаются уральским материалом. В женских гимназиях Оренбургского учебного округа количество проступков учениц в 1885–1900 гг. уменьшилось с 1401 до 95. В прогимназиях округа число нарушений сначала уменьшается в три раза, а после кратковременного роста вновь идет на убыль. В Уфимской женской гимназии и в Челябинской женской прогимназии вообще не было выявлено нарушений.

Высокую оценку работы педагогических коллективов давал и Министр народного просвещения, который отмечал, что поведение учениц гимназии и прогимназии, за незначительным исключением, было «*заслуживающим полного одобрения*»¹⁰. Проступки учениц заключались, по его словам, преимущественно в нарушении классной дисциплины, в опоздании на уроки, гулянии позже установ-

⁴ Мариинская женская гимназия в Перми к пятидесятилетию юбилею : 1861-1910, с. 86.

⁵ Извлечение ... за 1883 год. Санкт-Петербург, 1887, с. 79.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 203. Д.1369. Л. 23; Д. 1379. Л. 12; Д. 1387. Л. 11; Д. 1369. Л. 8.

⁷ Извлечение ... за 1895 год. Санкт-Петербург, 1899, с. 387.

⁸ Извлечение ... за 1894 год. Санкт-Петербург, 1898, с. 75, 222.

⁹ Извлечение ... за 1902 год. Санкт-Петербург, 1904, с. 416.

¹⁰ Там же.

ленного времени, непослушания, за что и были снижены оценки по поведению.

Эффективную воспитательную работу проводили школьные учителя и в ведомстве Святейшего Синода. Например, в 1894–1895 учебном году поведение всех учениц Пермского епархиального училища было безукоризненным: все имели высший балл – «5». В 1889–1890 учебном году поведение учениц Уфимского епархиального училища «было похвальным»¹¹.

Важнейшим инструментом влияния на умы и чувства учениц и учеников являлось внимание членов императорской семьи к образованию и воспитанию молодого поколения. Так, согласно отчету Министерства Народного Просвещения за 1873 г., *«Их Императорские Высочества Наследник Цесаревич и Великий Князь Владимир посетил мужскую гимназию в Царском Селе. Его Императорское Высочество Великий Князь Алексей Александрович посетил мужскую и женскую гимназии в Екатеринбурге и в Перми. Их Императорское Высочество Князь Евгений Максимилианович Романовский, Герцог Лейхтенбергский – Оренбургскую мужскую гимназию...»*¹².

Такое отношение членов императорской семьи вызывало ответную благодарную реакцию со стороны учащихся. По сообщению министра народного просвещения, *«В Пермской гимназии день бракосочетания [Николай II – Л.К, Н.К.] решено было увековечить постройкой при гимназии, на собранные добровольные пожертвования, храма <...> 15 ноября в местной женской гимназии и прогимназии был отслужен благодарственный молебен <...>. Затем почётная попечительница гимназии сообщила присутствующим, что она имела счастье принести всеподданнейшие поздравления от себя, попечительского совета гимназии и прогимназии и учащихся в них Их Императорским Величествам, Государыням Императрицам Александре Фёдоровне и Марии Фёдоровне, и Её Императорскому Высочеству Августейшей Покровительнице Пермской женской гимназии и прогимназии Великой Княгине Марии Павловне. На что были удостоены получить всемилостивейшие ответы:*

От Государыни Императрицы Александры Фёдоровны: “Искренне радуюсь, что дорогой для нас день ознаменовался постройкою храма при женской гимназии. Уверена, что молитвы детей принесут Нам счастье. Благодарим за принесённые Нам поздравления и благопожелания”. “Александра”.

От Государыни Императрицы Марии Фёдоровны: “Искренне благодарю попечительский и педагогический советы за выраженные Мне чувства и принесённые Мне поздравления по случаю бракосочетания Возлюбленного моего сына”. “Мария”.

*От Великой Княгини Марии Павловны: “Великий Князь и Я благодарим Вас, попечительский и педагогический советы, за любезное поздравление. Желаем Вам успеха в благом вашем предприятии, о котором доведу до сведения Их Величеств”. “Мария”*¹³. Естественно, такая практика минимизировала так называемую «политическую цену» поведения учениц в школе и за ее пределами.

Заключение

Подведем некоторые итоги так называемой «цены» участия представительниц женской средней общеобразовательной школы Урала в протестном, демократическом и революционном движении в XIX в.

В 1860–70-е гг. женские средние учебные заведения на Урале, как и по всей стране, только открывались, тогда как мужские гимназии существовали уже по 20–40 лет. Основные выступления учениц женской средней школы в это время оцениваются администрацией *«как школьные шалости»*. В то же время под воздействием начавшейся революционной пропаганды на Урале в женских средних школах отмечаются первые случаи участия школьниц, учителей и выпускниц в революционном движении. Однако это были точечные явления, и в целом можно говорить, что на Урале учебные заведения и общество не платили «политическую цену» за участие девушек-учениц в протестном движении, ограничиваясь «школьной ценой».

Тем более, с учетом уроков 1870-х гг. в 1880–1890-е гг. правительство, местная школьная администрация обращали больше внимания на воспитательную роль учителей в женских средних учебных заведениях, на их участие в профилактике и недопущении пагубного влияния на детей и молодежь революционных и радикально-демократических идей. Свою лепту в верноподданническое воспитание молодежи внесли и члены императорской семьи. Расширился внешкольный контроль над уче-

¹¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшаго Синода по ведомству православнаго исповедания за 1890 //Россия. Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшаго Синода по ведомству православнаго исповедания 1886-1916. Петроград : Синодальная тип.; Санкт-Петербург, 1891, с. 317.

¹² Извлечение ... за 1873 г. Санкт-Петербург, 1875, с. 116.

¹³ Извлечение ... за 1894 год. Санкт-Петербург, 1898, с. 75, 222.

ницами, были построены новые общежития, пансионаты, в том числе и с правоохранительной целью.

В это время продолжало расти внимание властей, общественности и школы к религиозно-нравственному воспитанию. Строились храмы и церкви, вводилось преподавание вероучения не только православного, но и римско-католического, а также иудейского. Серьезное внимание уделялось контролю над ученицами в театрах, на концертах, танцах и в других общественных местах и массовых мероприятиях. Всё это привело к резкому снижению числа проступков в женских средних учебных заведениях Урала. Эти меры значительно затрудняли пропаганду разрушительной идеологии в женских учебных заведениях Урала. Революционная агитация в уральской женской школе не нашла поддержки, учебно-воспитательный процесс сохранял устойчивость, а школа продолжала выполнять свою социальную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельска Л. В. Становление женского гимназического образования в Пермской губернии // Вестник Пермского университета. 2015. № 4. С. 95–102.
2. Белавин К. А. К истории просвещения в Оренбургском крае : женские гимназии и прогимназии в 1875–1899 гг. Оренбург : Типо-Литография Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1903. 250 стлб.
3. Вендеровская Р. Б. Сорока-Росинский В.Н. Проблемы русской национальной школы // Педагогика. 1996. № 22. С. 77.
4. Ефремова У. П., Попов М. В. Епархиальное женское училище и подготовка учительских кадров в Екатеринбурге (1880–1920 гг.) // Педагогическое образование в России. 2012. № 6. С. 13–19.
5. Зотова Л. М. Женское образование в Вятской губернии во 2 пол. XIX – начале XX вв. Киров : [Б. и.], 2003. 243 с.
6. Кондратьева М. А. Отечественная гимназия: исторический опыт и современные проблемы // Педагогика. 1994. № 1. С. 75–80.
7. Конев, Л. М. Первая русская национальная школа на Урале. 60-е гг. XIX в. – начало XX в. : монография. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. 330 с.
8. Пономарева А. А. Развитие женского образования на Урале в период XIX до начала XX в. // Педагогическое образование. 1997. № 1. С. 103–109.
9. Рушанин В. Я. Революционно-демократическое движение уральской молодежи в 1861–1904 годах / Челяб. гос. пед. ин-т, Челяб. обл. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. Челябинск : ЧГПИ, 1992. 186 с.
10. Рушанина Н. П. Деятельность большевиков Урала по вовлечению женщин в революционную борьбу на буржуазно-демократическом этапе революции в России (1903 – февраль 1907 гг.) : автореферат диссертации ... канд. ист. наук : специальность 07.00.01 - История Коммунистической партии Советского Союза / Челябинский государственный педагогический институт Челябинск : [б. и.], 1990. 23 с.
11. Семаков С. Из революционного прошлого молодежи Вятской губернии (1905-1906 гг.). Вятка: [Б. и.], 1926. 78 с.
12. Филиппов, Б.А. Образование и социальная политика (взгляд на дискуссии XX в.) // Педагогика. 1995. № 1. С. 104–109.

L. M. Konev (Chelyabinsk, Russia)
N. S. Korolev (Chelyabinsk, Russia)

THE PRICE OF PARTICIPATION OF THE WOMEN'S SECONDARY EDUCATIONAL SCHOOL REPRESENTATIVES IN THE PROTEST MOVEMENT IN THE URALS IN THE SECOND HALF OF THE XIXth CENTURY

Abstract. The article examines the problem of students' politicization consequences in the second half of the nineteenth century, which took place in Russia under the influence of the growth of the revolutionary democratic movement. In this regard, the article focuses on the actions of the state and schools to minimize the influence of revolutionary ideas on young people and prevent their involvement in the protest movement on the example of female students of the Urals secondary educational institutions. The authors refer to the main directions of the authorities school policy as a strict system of school and extracurricular supervision on the students' behaviour and studies, the activity of trustees boards at women's educational institutions, increased attention to the women's school by members of the Imperial family, which contributed to the formation of loyal attitudes among students, the great attention of the authorities to the religious and moral education of students as the foundation of their worldview and the basis of political trustworthiness. For these purposes, temples and churches were built at educational institutions, teaching not only Orthodox, but also Roman Catholic and Jewish creeds were introduced; the result of this was the predominance of academic performances of female students and their minimal participation in political actions. The authors offer their understand-

ing of the assessment of the price of participation of representatives from secondary educational institutions of imperial Russia in the anti-government movement during the second half of the nineteenth century, which states the fact that in the Urals women's educational institutions did not pay a "political price" for the participation of female students in the protest movement, limited to the «school price».

Keywords: student youth, high school, protest movement, «political price», «school price», secondary school.

REFERENCES

1. Arkhangel'ska L. V., Stanovlenie zhenskogo gimnazicheskogo obrazovaniya v Permskoi gubernii, *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2015, no. 4, pp. 95–102.
2. Belavin K. A., K istorii prosveshcheniya v Orenburgskom krae : zhenskie gimnazii i progimnazii v 1875–1899 gg., Orenburg, Tipo-Litografiya Iv. Iv. Evfimovskogo-Mirovitskogo, 1903, 250 stlb.
3. Venderovskaya R. B. Soroka-Rosinskii V.N. Problemy russkoi natsional'noi shkoly, *Pedagogika*, 1996, no. 22, p. 77.
4. Efremova U. P., Popov M. V. Eparkhial'noe zhenskoe uchilishche i podgotovka uchitel'skikh kadrov v Ekaterinburge (1880–1920 gg.), *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2012, no. 6, pp. 13–19.
5. Zotova L. M., Zhenskoe obrazovanie v Vyatskoi gubernii vo 2 pol. XIX – nachale KhKh vv., Kirov, [B. i.], 2003, 243 p.
6. Kondrat'eva M. A., Otechestvennaya gimnaziya: istoricheskii opyt i sovremennye problem, *Pedagogika*, 1994, no. 1, pp. 75–80.
7. Konev L. M., Pervaya russkaya natsional'naya shkola na Urале. 60-e gg. XIX v. – nachalo XX v. : monografiya, Chelyabinsk, Izd-vo Chelyab. gos. ped. un-ta, 2013, 330 p.
8. Ponomareva A. A., Razvitie zhenskogo obrazovaniya na Urале v period XIX do nachala XX v., *Pedagogicheskoe obrazovanie*, 1997, no. 1, pp. 103–109.
9. Rushanin V. Ya., Revolyutsionno-demokraticheskoe dvizhenie ural'skoi molodezhi v 1861–1904 godakh, Chelyab. gos. ped. in-t, Chelyab. obl. otd-nie Vseros. o-va okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury, Chelyabinsk, ChGPI, 1992, 186 p.
10. Rushanina N. P., Deyatel'nost' bol'shevikov Urала po vovlecheniyu zhenshchin v revolyutsionnyu bor'bu na burzhuazno-demokraticheskom etape revolyutsii v Rossii (1903 – fevral' 1907 gg.), avtoreferat dissertatsii ... kand. ist. nauk : spetsial'nost' 07.00.01 - Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza, Chelyabinskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute. Chelyabinsk, [b. i.], 1990, 23 p.
11. Semakov S., Iz revolyutsionnogo proshlogo molodezhi Vyatskoi gubernii (1905–1906 gg.), Vyatka, [B. i.], 1926, 78 p.
12. Filippov B. A., Obrazovanie i sotsial'naya politika (vzglyad na diskussii KhKh v.), *Pedagogika*. 1995, no. 1, pp. 104–109.

Конеv Л. М., Королёв Н. С. Цена участия в протестном движении учениц уральской женской средней общеобразовательной школы во второй половине XIX века// Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 2. С. 30–35.

Konev L. M., Korolev N. S. The Price of Participation of the Women's Secondary Educational School Representatives in the Protest Movement in the Urals in the Second Half of the XIXth Century, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no.2, pp. 30–35.

Дата поступления статьи – 16.05.2023; 0,67 печ. л.

Сведения об авторах

Конеv Леонид Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия; konevlm@cspu.ru.

Королёв Никита Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, музеологии и документоведения Челябинского государственного института культуры, Челябинск, Россия; korolev_ns_@mail.ru.

Authors:

Leonid M. Konev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, tutor of South Ural State University of Humanities and Pedagogy; Chelyabinsk, Russia; konevlm@cspu.ru.

Nikita S. Korolev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Museology and Records Science Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia; korolev_ns_@mail.ru.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК: 81'28

DOI: 10.18503/2658-3186-2023-7-2-36-41

Н. И. Коробкина (Волгоград, Россия)

ДИАЛЕКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ АККОМОДАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается диалектное взаимодействие как результат явления языковой аккомодации. Отмечается, что диалектное взаимодействие может осуществляться по различным сценариям. Первым из них является соотношение «выигрышного» и «проигрышного» вариантов диалектных форм. Вторым сценарий представляет собой появление интердиалектного варианта языка – своеобразной промежуточной формы, не встречающейся ни в одном из контактирующих диалектов и возникающей именно с началом их взаимодействия друг с другом. Третий сценарий – перераспределение «ролей» диалектных форм, которое может осуществляться на различных ярусах языковой системы, быть социальным, стилистическим или ориентированным на упрощение. Отмечается, что среди возможных результатов диалектного взаимодействия выделяются следующие: городская миграция, выравнивание региональных диалектов, образование новых диалектов. Наиболее распространенным вариантом взаимодействия диалектных форм является процесс миграции людей. Установлено, что результаты городской миграции на языковом уровне оказываются чувствительными к истории переселения говорящего коллектива и его социальной дифференциации, географическому местоположению, языковой дистанции между контактирующими диалектами и целому ряду других факторов. Диалектное взаимодействие может осуществляться также в результате регионального выравнивания диалектов, под которым понимается утрата местных диалектных различий до такой степени, что образуется относительно однородная разновидность языка. Как представляется, в целом урбанизация, ежедневная мобильность людей в регионах, переселение с целью трудоустройства или для обучения в образовательных учреждениях, национальные или региональные средства массовой информации способствуют выравниванию диалектов. Процесс формирования нового диалекта, включающий в себя три этапа, также рассматривается как один из путей диалектного взаимодействия на определенной территории/

Ключевые слова: диалектная форма / диалект, диалектное взаимодействие, языковая аккомодация, интердиалект, миграция населения, выравнивание диалектов, койнеизация.

Введение

Цель данной статьи – рассмотреть особенности взаимодействия диалектных форм, объединенных определенной территорией, а также наиболее распространенные результаты диалектных контактов, которые можно считать разновидностями языковой аккомодации.

Актуальность данной проблемы объясняется некоторыми обстоятельствами. Изучение диалектного взаимодействия способствует расширению знаний в кругу некоторых социолингвистических вопросов, таких, как: территориальная дифференциация языка, её соотношение с литературным языком, койнеизация и др. Обращение к особенностям диалектного взаимодействия позволяет также познакомиться с историей появления определенного диалекта и той или иной разновидности языка, их становления и дальнейшего развития. В современной антропоцентрической парадигме лингвистики взаимодействие диалектов не может быть рассмотрено отдельно от их носителей. Следовательно, при изучении диалектного взаимодействия затрагивается и проблема человеческой коммуникации с её широким спектром исследовательских объектов.

Краткий обзор научной литературы, связанный с обозначенным в статье кругом вопросов, включает в себя ряд теоретических источников по следующим проблемам: диалектное взаимодействие (F. Hinskens [9], A. Ivars [10], H. Sandøy [11], P. Trudgill, G. Gordon, G. Lewis, M. Maclagan [13]), языковая аккомодация (Е. А. Бурая [1], Е. Ю. Литвиненко, М. В. Гараева [4], С. Ю. Максимова [5], Е. А. Найман, Л. А. Пашина [6], К. Л. Чинь [8]), койне и койнеизация (И. Т. Касавин [2], Л. П. Крысин [3], Н. С. Панарина, В. А. Пищальникова, О. А. Радченко [7]).

В исследовании для поиска нужных языковых фактов и установления их специфических черт

применялся метод наблюдения. С помощью общенаучного метода анализа найденные языковые факты регистрировались, описывались и теоретически обобщались. Метод логического сопоставления использовался для филологической аргументации в процессе обоснования теоретических выводов.

1. Диалектное взаимодействие и языковая аккомодация

Известно, что если группы людей, объединенные определённой территорией, вступают в долговременный процесс взаимодействия, но используют при этом различные диалектные формы, то с течением времени эти диалектные формы становятся более или менее похожими. В лингвистической науке механизм, в результате которого контактирующие диалектные формы адаптируются по отношению друг к другу, обозначен как языковая аккомодация (см., например, [1; 4; 5; 6; 8]). По аналогии с фонетической аккомодацией в случае взаимодействия диалектных форм имеет место их приспособление друг к другу в пределах той общей территории, на которой они используются.

Значительное внимание в ходе описания языковой аккомодации уделяется тому, как сосуществуют те или иные территориально объединенные диалектные формы в процессе так называемого общения их носителей «лицом к лицу». Чаще всего это имеет место в ходе миграции населения: большие группы людей могут перемещаться территориально в течение относительно чётко определённого периода времени, либо незначительные по количеству группы людей также могут менять своё местоположение, но на протяжении более длительного временного отрезка. Независимо от того, по какому из обозначенных путей происходит миграция, в любом случае устанавливаются благоприятные условия для контакта различных диалектных форм.

Что касается результата такого межгруппового и диалектного взаимодействия, то оно может осуществляться по разнообразным сценариям.

2. Сценарии диалектного взаимодействия

2.1. «Выигрышный» и «проигрышный» варианты диалектных форм

Конкуренция двух диалектных форм может привести к такому приспособлению, когда одна из форм частично исчезает, а другая сохраняется. Во многих случаях более «выигрышный» вариант диалектной формы – это язык тех носителей, которые изначально проживают на данной территории, то есть являются её коренным населением. Так, сохранение в новозеландском варианте английского языка звука [h], а не его исчезновение, например, в слове *hammer* объясняется большей распространённостью процесса сохранения глухих согласных звуков в начале большинства слов британского варианта английского языка [13, p. 309]. Получается, что «проигрышная» диалектная форма того или иного языка нередко оказывается связанной с конкретной географической областью или социальной группой. Это предположение подтверждается фактом существования различных территориальных вариантов современного английского языка как внутри Соединённого Королевства (шотландский, валлийский, ирландский), так и за его пределами (канадский, австралийский и др.).

2.2. Интердиалектный вариант языка

Процесс тесного взаимодействия диалектных форм на одной территории может способствовать появлению интердиалектного варианта языка. Это своеобразная промежуточная форма, не встречающаяся ни в одном из контактирующих диалектов и возникающая именно с началом их взаимодействия. Например, взаимодействующие диалектные формы имеют различные фонетические варианты одной и той же гласной фонемы. Но в процессе межгрупповой коммуникации говорящие для удобства взаимодействия могут адаптировать исходные диалектные формы до фонетически промежуточного варианта, ранее не существовавшего в их «родных» диалектах.

Интердиалект склонен к возникновению не только на фонетическом уровне языка, но и в морфологической или лексической подсистемах. Примером этого служит немецкое слово *Erdbirne* («земляная груша» – топинамбур), возникшее в качестве интердиалектной лексемы на территории коммуникативного взаимодействия говорящих, в лексиконах которых используются синонимичные по отношению к промежуточной лексической единице слова *Grundbirne* и *Erdapfel* [12, p. 63].

2.3. Перераспределение «ролей» диалектных форм

Проявлением диалектного взаимодействия как результата языковой аккомодации на определённой территории может выступать перераспределение «ролей» диалектных форм. В этом случае обе конкурирующие диалектные формы сохраняются и сосуществуют в пределах конкретной со-

диолингвистической общности, но каждой из этих форм назначаются свои «роли» на ярусах языковой системы. Например, в XVII в. на территории Англии под названием Фенландс (Fenlands или the Fens) наблюдалось использование двух фонетических вариантов [aɪ] и [ɛɪ] в английских лексемах по типу *tight* и *hide*. В результате такого противостояния оба варианта сохранились, но стали употребляться в различных фонетических условиях: [aɪ] – перед гласными и в конце слов, [ɛɪ] – перед глухими согласными.

Еще одним примером перераспределения «ролей» в процессе взаимодействия диалектных форм является ситуация с миграцией определенной доли населения из региона Мидленд (США) в районы, расположенные западнее от реки Миссисипи. Так, слова *creep* и *crawl*, употребляемые говорящими из Мидленда, являлись синонимами со значением *ползти*. Но для некоторых говорящих на территории взаимодействия этих двух диалектных форм данные лексические единицы соотносились с представлением о разных способах ползания: *creep* – на животе, *crawl* – на руках и коленях.

В процессе языковой аккомодации выделяется еще два типа перераспределения «ролей» диалектов – социальное и стилистическое. При таком варианте сохранения двух взаимодействующих диалектных форм перераспределение «ролей» между ними связано с употреблением того или иного диалекта различными социальными группами (социальное) или в отличных друг от друга условиях коммуникации (стилистическое). Например, в австралийском варианте английского языка сохраняются оба варианта произношения буквы *a* перед сонорными (в частности, в словах *dance*, *sample* и пр.): [æ] (северный австралийский диалект) и [a:] (южный австралийский диалект). Но вариант с фонемой [a:] обладает более высоким социальным статусом и поэтому считается более аристократическим (или даже пафосным) вариантом произношения.

Наконец, процесс перераспределения «ролей» диалектных форм может включать в себя упрощение грамматических или фонетических различий. Так, в британском варианте английского языка часть глаголов имеют неправильную форму простого прошедшего времени (так, *burn-burnt*, *dream-dreamt* и т.п.). В американском же варианте простая прошедшая форма тех же глаголов образуется по общепринятому в классической английской грамматике правилу – путём добавления окончания *-ed* (*burn-burned*, *dream-dreamed* и т.п.).

3. Результаты диалектного взаимодействия

Все вышеперечисленные особенности диалектного взаимодействия как разновидности языковой аккомодации происходят в ходе долговременных контактов между языковыми коллективами. Если эти процессы во взаимодействующих языковых сообществах носят более или менее стабильный характер, то можно говорить о таком понятии, как койне (подробнее об этом социолингвистическом феномене см., например, [2; 3; 7]).

При этом особенности диалектного взаимодействия зависят от его причин, демографических, социальных и других факторов, а также возможных языковых предпосылок. Среди возможных результатов диалектного взаимодействия выделяются следующие: городская миграция, выравнивание региональных диалектов, образование новых и др.

3.1. Миграция населения

Пожалуй, наиболее распространенным результатом взаимодействия диалектных форм является процесс миграции людей из сельской местности и малых населенных пунктов в крупные города и административные центры. Когда носители сельских диалектов переселяются в хорошо зарекомендовавший себя городской район, особенности диалектных форм, на которых они общаются, зачастую не передаются следующему поколению (т.е. их детям). Другими словами, диалектные формы не выдерживают того процесса выравнивания и гармоничного сосуществования с другим используемым кодом общения, распространенным на той же территории. Напротив, когда население крупных административных центров существенно растет в результате быстрой миграции из разных мест, включая другие города, сам местный диалект может быть ослаблен в пользу либо национального стандартного варианта языка, либо смешанной интердиалектной формы.

Социальные и исторические факторы, влияющие на лингвистические результаты в условиях городской миграции наглядно проиллюстрированы в работе А. Иварса [10]. Исследователь приводит в качестве примера две социолингвистические ситуации, шведский город Кристианстад и финский город Якобстад, которые в свое время являлись целью миграции. Несмотря на территориальную близость к крупным городским центрам эти два города смогли сохранить распространенные в них устоявшиеся диалектные формы, значительно отличающиеся от языка населения крупных соседних

городов. Новая диалектная форма, распространенная в Кристианстаде, отличается фонетически от окружающих её региональных диалектов, и расходится морфологически с официальным шведским языком. Что касается Якобстада, то в нем, наоборот, отмечается отсутствие единого нового диалекта с уникальными структурными особенностями.

А. Иварс объясняет данный факт разницей в миграционной истории этих двух городов. В то время, как мигранты, переселившиеся в Кристианстад в течение XVIII в., были родом из несколько диалектных регионов, Якобстад стремительно разрастался на протяжении XX в. в результате миграции из окрестных сельских районов. Кроме того, шведоговорящее население в Кристианстаде является социально более однородным, чем в Якобстаде, и Кристианстад географически более изолирован и, следовательно, менее подвержен влиянию со стороны официального шведского языка.

Получается, что исход городской миграции, как одного из результатов диалектного взаимодействия, на языковом уровне оказывается чувствительным к истории переселения говорящего коллектива и его социальной дифференциации, к географическому местоположению, к языковой дистанции между контактирующими диалектами и целому ряду других факторов.

3.2. Выравнивание диалектных форм

Диалектное взаимодействие как разновидность языковой аккомодации может осуществляться также в условиях регионального выравнивания диалектов, под которым понимается утрата местных диалектных различий до такой степени, что образуется относительно однородная разновидность языка.

Одним из сценариев такого процесса выравнивания является распространение диалектных форм из городских центров в небольшие города и сельские районы. В качестве примера можно привести распространение лондонского варианта английского языка на территорию юго-восточной Англии. Несколько иной результат выравнивания встречается в случае с упрощенной номинальной морфологической системой в Норвегии, которая, по-видимому, распространилась из относительно небольших городов в окрестности [11]. Наконец, еще один результат выравнивания диалектов наблюдается в небольшом городе Римберг в голландской провинции, которая урбанизировалась в начале XX в. из-за угледобывающих работ. Особенности местного диалекта в Римберге исчезают в пользу тех кодов общения, у которых есть более широкое географическое распределение. Однако за счёт официального диалекта здесь также сохранились и некоторые особенности, присущие местному диалекту [9].

Как представляется, в целом урбанизация, ежедневная мобильность людей в регионах, переселение с целью трудоустройства или обучения в различных образовательных учреждениях, национальные или региональные средства массовой информации способствуют выравниванию диалектов.

3.3. Формирование нового диалекта

Формирование нового диалекта также рассматривается как один из результатов диалектного взаимодействия в процессе языковой аккомодации на определенной территории. Вообще о появлении нового диалекта, как правило, речь идет в том случае, если диалектные формы контактируют друг с другом, что приводит вначале к возникновению интердиалектной формы. Далее эта интердиалектная форма, в свою очередь, не обнаруживает преемственности с разнообразием языка коренного населения.

Считается, что процесс формирования нового диалекта состоит из трёх этапов койнеизации. На первом этапе взрослое говорящее население, оказавшееся на одной территории и разговаривающее на разных диалектных формах, вынуждено коммуникативно адаптироваться друг к другу. Вследствие этого происходит закономерное уменьшение количества тех диалектных черт, которые препятствуют пониманию в процессе общения. Однако только эти изменения не могут способствовать появлению нового диалекта. Особая роль в этом процессе принадлежит молодому поколению. Здесь наступает второй этап, на котором молодое поколение вынуждено стремиться к балансу в использовании различных диалектных форм. Этот баланс достигается более или менее пропорциональным равенством между языком родителей и языком ближайшего круга, которые используются молодым поколением. Таким образом, молодое поколение приспособливает диалектные черты для своих преемников. Именно дети второго поколения участвуют в третьем этапе формирования нового диалекта, на котором диалектные различия стабилизируются и новые носители начинают говорить на языке, отличном от «оригинальных» территориальных диалектов своих бабушек и дедушек [13].

Наиболее ярким примером формирования нового диалекта является новозеландский вариант

английского языка, который возник в результате масштабной миграции из Англии, Шотландии, Ирландии и других англоязычных областей в XIX в. Другим случаем формирования нового диалекта можно считать вариант английского языка в городе Милтон-Кинс. Милтон-Кинс – город, основанный в 1967 году. Он быстро рос благодаря миграции из Лондона, других регионов юго-восточной Англии и переселенцев, прибывающих из-за океана. Поэтому несмотря на то, что изначально население города Милтон-Кинс было немногочисленным, внезапный его рост и, как результат, смешивание различных диалектов обеспечили условия для появления новой диалектной формы.

Несмотря на качество коммуникативного взаимодействия результат длительного диалектного контакта, по-видимому, зависит от коммуникативной практики поколения детей и подростков. Фактически в процессе речевого взаимодействия трансляция языковых особенностей диалектной формы от взрослых к детям отличается от аналогичной среди взрослого населения.

Важно, что процесс взаимодействия диалектных форм приводит к упрощению сложных внутренних процессов в языке. Фонологическая и грамматическая системы взрослых менее гибки, чем у детей, что влияет как на процесс производства речи, так и на процесс ее восприятия. Поэтому взрослые считаются менее способными к усвоению новых диалектных особенностей, чем дети.

Кроме того, использование этих диалектных особенностей, вероятно, достигает своего пика в подростковом возрасте. Когда дети изначально говорят на разных диалектах и регулярно общаются (например, в школе), может быть неизбежной некоторая степень смешения диалектов. Поэтому демографические факторы, влияющие на общение в детской и подростковой среде, влияют также и на темпы и единообразие процессов смешивания диалектов.

Заключение

Таким образом, диалектное взаимодействие представляет собой сложный и длительный по времени процесс, в ходе которого контактирующие диалектные формы приспособляются друг к другу. Сценарии сосуществования диалектных форм на определенной территории могут быть различными. Во-первых, одна диалектная форма может частично исчезнуть. Во-вторых, существует вероятность появления интердиалектного варианта языка. В-третьих, между контактирующими диалектными формами на различных ярусах языковой системы может произойти перераспределение «ролей». Среди возможных результатов (последствий) диалектного взаимодействия как разновидности языковой аккомодации могут быть названы следующие: городская миграция, выравнивание региональных диалектов и образование новых диалектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буряя Е.А. Аккомодация в процессе коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (771). С. 9–21.
2. Касавин И.Т. Койне науки. Междисциплинарность и медиация // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 11. С. 1017–1025.
3. Крысин Л. П. Койне // Русский язык. Энциклопедия. Москва : АСТ-Пресс Книга, 2020. С. 276.
4. Литвиненко Е. Ю., Гараева М. В. Роль языка в процессе этнической аккомодации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 1 (232). С. 51–59.
5. Максимова С. Ю. К вопросу о теоретических основах языковых контактов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 226–229.
6. Найман Е. А., Пашина Л. А. Теория аккомодации как основа анализа межпоколенческого общения // Язык и культура. 2021. № 54. С. 44–62.
7. Панарина Н. С., Пищальникова В. А., Радченко О. А. Этнопсихолингвистика как теоретико-методологическая база миграционной лингвистики // Этнопсихолингвистика. 2022. № 4 (11). С. 7–28.
8. Чинь К. Л. Аккомодация при диалектных контактах: исследование языка городских сообществ Вьетнама // Вьетнамские исследования: электронный научный журнал. 2022. Т. 6. № 1. С. 86–96.
9. Hinskens F. Dialect leveling: a two-dimensional process // Folia Linguist. 1998. vol. 32. P. 35–51.
10. Ivars A. Town and country: when dialect meets standard in urban environments. The case of Finland Swedish // Linguistics. 2005. vol. 43. P. 1049–1071.
11. Sandøy H. The diffusion of a new morphology in Norwegian dialects. Folia Linguist. 1998. vol. 32. P. 83–100.
12. Trudgill P. Dialects in Contact. Oxford, UK: Blackwell, 1986. 174 p.
13. Trudgill P., Gordon G., Lewis G., Maclagan M. 2000. Determinism in new dialect formation and the genesis of New Zealand English // Linguist. 2000. vol. 36. P. 299–318.

DIALECT INTERACTION AS A VARIETY OF LANGUAGE ACCOMMODATION

Abstract. The article discusses dialect be carried out according to various scenarios. The first is the ratio of “winning” and “losing” variants of dialect forms. The second scenario is the appearance of an interdialect version of the language – a kind of an intermediate form that does not occur in any of the contacting dialects and arises precisely with the beginning of their interaction with each other. The third scenario is the redistribution of the “roles” of dialect forms, which can be carried out at various the language system levels, that is to be social, stylistic or focused on simplification. It is noted that among the possible results of the dialect interaction are the following: urban migration, alignment of regional dialects, the formation of new ones. The most common variant of the mutual action of dialect forms is the process of people migration. It has been established that the results of urban migration at the language level are sensitive to the history of the speaking collective resettlement, social differentiation of the population, geographical location, the language distance between the contacting dialects and a number of other factors. Dialect interaction can also be carried out due to the regional alignment of dialects, which means the loss of local dialect differences to such an extent that a relatively homogeneous variety of the language is formed. It seems that in general urbanization, daily mobility of people in the regions, resettlement for employment or for studies in educational institutions, national or regional media contribute to the alignment of dialects. The process of a new dialect formation, which includes three stages, is also considered as one of the ways of the dialect interaction on a certain territory.

Keywords: dialect form / dialect, dialect interaction, language accommodation, interdialect, population migration, dialect alignment, koineization.

REFERENCES

1. Buraya E. A., Akkomodatsiya v protsesse kommunikatsii, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2017, no. 3 (771), pp. 9–21.
2. Kasavin I. T., Koine nauki. Mezhdistsiplinarnost' i mediatsiya, *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2017, vol. 87, no. 11, pp. 1017–1025.
3. Krysin L. P. Koine, *Russkii yazyk. Entsiklopediya*, Moskva, AST-Press Kniga, 2020, 276 p.
4. Litvinenko E. Yu., Garaeva M. V., Rol' yazyka v protsesse etnicheskoi akkomodatsii, *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of Adyge State University. Philology and Arts], 2019, no. 1 (232), pp. 51–59.
5. Maksimova S. Yu., K voprosu o teoreticheskikh osnovakh yazykovykh kontaktov, *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Vestnik of Saratov State Academy of Law], 2014, no. 5 (100), pp. 226–229.
6. Naiman E. A., Pashina L. A., Teoriya akkomodatsii kak osnova analiza mezhpoko-lencheskogo obshcheniya, *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 2021, no. 54, pp. 44–62.
7. Panarina N. S., Pishchal'nikova V. A., Radchenko O. A., Etnopsikholingvistika kak teoretiko-metodologicheskaya baza migratsionnoi lingvistiki, *Etnopsikholingvistika* [Ethnopsycholinguistics], 2022, no. 4 (11), pp. 7–28.
8. Chin' K. L. Akkomodatsiya pri dialektnykh kontaktakh: issledovanie yazyka gorodskikh soobshchestv V'etnama, *V'etnamskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [The Russian Journal of Vietnamese Studies], 2022, vol. 6, no. 1, pp. 86–96.
9. Hinskens F. Dialect leveling: a two-dimensional process, *Folia Linguist*, 1998, vol. 32, pp. 35–51.
10. Ivars A. Town and country: when dialect meets standard in urban environments. The case of Finland Swedish, *Linguistics*, 2005, vol. 43, pp. 1049–1071.
11. Sandøy H., The diffusion of a new morphology in Norwegian dialects, *Folia Linguist*, 1998, vol. 32, pp. 83–100.
12. Trudgill P., *Dialects in Contact*. Oxford, UK, Blackwell, 1986, 174 p.
13. Trudgill P., Gordon G., Lewis G., Maclagan M. Determinism in new dialect formation and the genesis of New Zealand English, *Linguist*. 2000. vol. 36, pp. 299–318.

Коробкина Н. И. Диалектное взаимодействие как разновидность языковой аккомодации // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 2. С. 36–41.

Korobkina N. I. Dialect Interaction as a Variety of Language Accommodation, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no 2, pp. 36–41.

Дата поступления статьи – 30.03.2023; 0,67 печ. л.

Сведения об авторе

Коробкина Наталья Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия; nataliakor88@yahoo.com.

Author

Natalia I. Korobkina – Candidate of philological sciences, Associate Professor, Associate Professor of Linguistic department of Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia; nataliakor88@yahoo.com.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ О ЗДОРОВЬЕ

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию коммуникативных стратегий и тактик газетного дискурса. Интерес к феномену дискурса связан с потребностью изучать языковые явления в их тесной связи с коммуникативными, социокультурными факторами. Актуальность исследования объясняется необходимостью не только уточнения номенклатуры стратегий и тактик газетного дискурса, но и описания таких типов речевых действий журналистов, которые присутствуют в публикациях, посвященной конкретной проблематике – здоровью. В качестве материала привлекались журналистские тексты, посвященные теме здоровья и взятые из наиболее популярных на сегодняшний день изданий: «Известия», «Российская газета», «Коммерсантъ», «Ведомости». Выборка производилась в период 2022–2023 годов. Для описания речевых действий журналистов был разработан, а затем применен алгоритм анализа коммуникативных стратегий и тактик. В результате исследования были конкретизированы понятия коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика, определена проблематика газетных публикаций, охарактеризованы следующие стратегии и тактики: стратегия провоцирования эмоциональных реакций (тактика сопоставления, поляризации, формирования напряженного эмоционального состояния, героизации), управления критичностью восприятия (тактика фрагментации, совместного рассуждения, ссылки на авторитетный источник, исключения фактов), создания «инфоповода» (тактика мистификации, «нативной» рекламы). В ходе исследования подтвердилась идея о том, что выбор коммуникативных стратегий и тактик, который делает журналист при написании материала, находится в прямой зависимости от тематики журналистской публикации. Перспективы настоящего исследования видятся в дальнейшем расширении и уточнении представленной номенклатуры коммуникативных стратегий и тактик в текстах о здоровье.

Ключевые слова: газетный дискурс, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, здоровье, журналистика.

Введение

Газетный дискурс уже многие десятилетия считается не только «регистратором» общественного мнения, но и особым родом «социальной деятельности, основной функцией которого является распространение знаний, идей, художественных ценностей и иной информации в целях формирования определенных взглядов, представлений и эмоциональных состояний, а через них оказание влияния на поведение людей» [2, с. 345].

Доминирующая функция газетной статьи – способность учитывать происходящие в окружающей действительности процессы и отражать их в интересах общественного мнения. Тема публикации часто определяется социальными и идеологическими задачами. Так, в период пандемии на журналистов была возложена обязанность не только информировать население о количестве заболевших, работах по созданию вакцины, но и просвещать его с целью снизить распространение инфекции. Чтобы оказать влияние на сознание читателей, представляющих собой большую и недифференцированную как социально, так и демографически аудиторию, авторы публикаций использовали самые разнообразные компьютерные, фототехнологии, а также создавали тексты, которые смогли бы занять особое место в познавательной деятельности человека. По прошествии пандемии интерес к материалам о здоровье не исчез, что обусловлено, на наш взгляд, социально-экономическими условиями: стремлением широкой аудитории к информационной грамотности в связи с доступностью специализированной информации, проникновением консьюмеристской культуры в различные области жизнедеятельности, ускоряющимся процессом коммерциализации сферы здравоохранения, которая актуализирует медицинские услуги как товар.

Для успешного и эффективного решения прагматических задач газетной статьи необходимо грамотное и осознанное выстраивание коммуникации с читателем в соответствии с определенными интенциями журналиста. Универсальных методов организации эффективного общения не существует, однако в рамках прагматической сформирована солидная теоретическая база, которая содержит разные типологии коммуникативных стратегий и тактик, помогающих автору текста продумать, а затем выбрать необходимый алгоритм речевого поведения в той или иной сфере жизни.

Широкое применение в лингвистике терминов *коммуникативная стратегия* и *коммуникативная тактика* привело к появлению у них большого количества дефиниций [10, с. 20–22]. В настоящей работе под *коммуникативной стратегией* понимается мыслительный план общения, направленный на достижение определенной коммуникативной цели в общении. *Коммуникативная тактика* –

это речевое действие, решающее одну задачу в рамках конкретной коммуникативной стратегии.

Одной из первых к классификации коммуникативных стратегий и тактик обратилась О. С. Иссерс. Анализируя политический дискурс, она выделила две группы стратегий: основные (релевантные с точки зрения распределения по значимости целей и мотивов адресата) и вспомогательные (способствующие взаимодействию адресанта и адресата) [3, с. 135]. В основу типологии лег функциональный потенциал использования стратегий.

Ю. А. Антонова, продолжая традиции, заложенные О. С. Иссерс, описала основные и вспомогательные коммуникативные стратегии и тактики газетного дискурса, положив в основу их разделения целевую направленность стратегии и тот эффект, которого хочет достичь журналист. В ее исследовании, посвященном анализу материалов о терроризме, представлена стратегия создания психологического напряжения, героизации, дискредитации и антидискредитации, стратегия пробуждения сочувствия, формирования национального духа, нейтрализации шокового состояния, стимулирования рассуждения [1, с. 7].

Интересный взгляд на проблему классификации коммуникативных стратегий и тактик газетных публикаций можно найти в работе И. Г. Катановой, исследовавшей материалы политических оппозиционных газет [5, с. 135]. Она описывает манипулятивные стратегии, которые связаны с главной целью любого журналиста, автора материала, – вызвать перлокутивный эффект. Среди них: стратегия дискредитации, фрустрации, псевдорационально-эвристическая и стратегия героизации. Ученый подробно характеризует тактики, реализующие каждую из стратегий, и их индикаторы.

Несмотря на солидную теоретическую базу прагмалингвистики, до сих пор нет общепринятой классификации коммуникативных стратегий и тактик, а отдельные авторские типологии образуют открытый список, потому что часто не могут отразить многообразие процессов социального взаимодействия. Также вне основного исследовательского интереса остается вопрос о вариативности стратегий и тактик текстов разной тематики в рамках одного дискурса. Это обусловлено, вероятно, тем, что для трансляции информации той или иной сферы общественной жизни авторы используют определенный набор коммуникативных стратегий и тактик, потому что они должны ориентироваться на конкретного адресата и реализовывать редакционную задачу. В данном исследовании мы опишем наиболее часто используемые стратегии и тактики журналистов в текстах о здоровье и попробуем установить, действительно ли данные материалы содержат уникальный набор стратегий и тактик. Обращение к заявленной проблематике не только позволит подтвердить нашу гипотезу, но и внесет определенный вклад в уточнение номенклатуры коммуникативных стратегий и тактик журналистов.

В качестве эмпирического материала привлекались публикации федеральных СМИ, признанных информационным порталом «Медialogия» наиболее популярными. Среди них «Известия», «Российская газета», «Коммерсантъ», «Ведомости» за 2022–2023 годы. Журналисты на страницах перечисленных изданий обращаются к самым разнообразным проблемам: они пишут об известных врачах и их профессионализме, о необходимости профилактики заболеваний, о ЗОЖ как основе жизни, об укреплении материально-технической базы медицинских организаций и доступности медицины, о подготовке медицинских кадров. Иными словами, акцент публикаций может делаться как на личной ответственности каждого гражданина за собственное состояние здоровья, так и на современном состоянии медицины и ответственности врачей и чиновников. Тональность текстов дает понять, что журналисты видят разнообразные барьеры в осуществлении своей миссии, понимают свою ответственность перед судьбой конкретного человека, перед медицинским сообществом, потому в статьях избегают резкой критики, прямых призывов. Они «выступают в синтетической роли просветителя, пропагандиста, исследователя, аналитика и разоблачителя» [4]. Такая установка затрудняет использование описанных исследователями некоторых стратегий газетного дискурса, например, дискредитации, нейтрализации шокового состояния, в силу того что журналисты преследуют иные коммуникативные цели. В то же время лакуны в существующих типологиях открывают перспективы для описания речевых действий журналистов.

Для выявления коммуникативных стратегий в газетных публикациях о здоровье был разработан следующий алгоритм. Прежде всего, надо разбить текст на минимальные смысловые единицы (далее – МСЕ), опираясь на изменение микротемы, затем обозначить в каждой МСЕ микроцель, далее, объединив все микроцели, сформулировать основную цель («конечный результат»), которую преследует автор в данном тексте, и номинировать ее. При этом можно воспользоваться уже существующими типологиями или самостоятельно придумать название, для чего следует изобрести искусственную семантическую «бирку», которая будет передавать основной смысл цели. В поисках названия можно как следовать за языковой формой, так и искать клише глубинной структуры. Выяв-

ление и номинирование тактик происходит аналогично. Однако надо учитывать, что одна МСЕ может содержать как одну тактику, так и несколько.

Конкретизируем полученный в процессе анализа эмпирического материала перечень коммуникативных стратегий и тактик, используемых журналистами в текстах о здоровье, и представим его краткую характеристику. В данном исследовании даны стратегии и тактики, наиболее часто встречающиеся в перечисленных выше СМИ.

1. Стратегия провоцирования эмоциональных реакций

В ее основе заложено стремление вызвать разные эмоции: от восхищения до негодования, возмущения, страха и др. – для того, чтобы привлечь внимание читателей к проблеме и побудить их к определенным действиям. Следует отметить, что журналисты чаще апеллируют к отрицательным эмоциям, однако направляют их на достижение благородных целей, чтобы чиновники начали улучшать качество работы медицинских организаций, люди стали беречь свое здоровье, регулярно проходить медосмотры, ставить прививки прочее. Обращение к негативным чувствам неслучайно, поскольку они всегда связаны с неудовлетворением потребностей, а значит, сильнее, чем положительные, влияют на мотивацию человека.

Тактика сопоставления – содержит в своей основе сравнение, направленное на то, чтобы выделить один предмет на фоне другого; чаще всего используется при соотнесении достоинств передовых и недостатков традиционных медицинских технологий, платной и бесплатной медицины, правильно и неправильно организованного менеджмента медицинского учреждения: *«В петербургской клинике хирург вырезает опухоль, глядя в очки дополненной реальности. Это пока стадия клинических исследований, но все равно впечатляет. Если, конечно, забыть, что в то же самое время битую неделю не достать номерка к аллергологу, а результаты ковид-теста не отправить в поликлинику по электронной почте – надо нести самому»*¹.

Тактика поляризации – формирует в сознании адресата оппозиции, основанные на противопоставлении одной социальной группы другой; нередко критика журналистов прямо или косвенно обрушивается на чиновников, мешающих нормальной работе медицинских организаций: *«“Б” ознакомился с письмом, которое направили в Минздрав РФ ведущие общественные организации, занимающиеся проблемами пациентов с гепатитом С. <...> Общественники указывают, что закупки препаратов в нужном объеме так и не произведены. Минздрав заявил, что ситуация находится под контролем. <...> главный специалист по ВИЧ-инфекции Минздрава России Алексей Мазус заверил “Б”, что поставки препаратов, согласно заявкам, будут реализованы до конца года. И утверждал, что ...доступ к терапии обеспечен в полном объеме»*².

Тактика формирования напряженного эмоционального состояния – представляет ситуацию как безысходную или трагическую за счет перечисления таких деталей, которые могут поразить воображение адресата и тем самым вызвать его заинтересованность; для усиления тревожности читателя приводится статистика; как правило, тактика используется в текстах, призывающих внимательнее относиться к здоровью, чаще посещать врачей и следить за календарем прививок: *«Медосмотры и диспансеризация нужны для того, чтобы выявлять опасные болезни и не давать им развиваться. По данным министра здравоохранения Михаила Мурашко, в прошлом году диспансеризацию прошли свыше 33 млн россиян старше 18 лет. Более чем миллиону россиян поставили диагноз болезней системы кровообращения, а у 42 тыс. выявили злокачественные опухоли, причем в половине случаев – на ранних стадиях. У 200 тыс. человек нашли болезни органов дыхания, а у 76 тыс. – сахарный диабет»*³.

Тактика демонстрации проблемной ситуации – знакомит с фактами, которые апеллируют к эмоциональному отклику, поскольку обладают привлекательностью содержания за счет обращения к новым аспектам представления проблемы. Часто журналисты приводят рациональные аргументы, способные вызвать самые разнообразные ощущения: от заинтересованности до удивления, от дискомфорта до тревоги: *«На круглом столе, посвященном демографическим проблемам, Олег Леонов постарался донести мысль о том, что урбанизация отрицательно влияет на рождаемость в стране. Со ссылками на исследования он заявил, что в селах рождаемость выше на 30–40% и объясняется это не уровнем доходов или развитием медицины, а тем, что там гораздо больше про-*

¹ Ведомости, 14.02.2023.

² Коммерсантъ, 17.04.2023.

³ Известия, 23.04.2023.

странства для семьи. Дом с участком для рождаемости лучше, чем квартира в городе»⁴.

Тактика героизации – направлена на повышение в сознании адресата статуса человека, группы лиц, медицинской организации; тексты носят хвалебный характер, актуализируют чувство патриотизма, потому что положительно характеризуют российских врачей, отечественные методики лечения и лекарственные препараты: *«Хирурги Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета спасли двоих детей за один день. Одна из операций была выполнена внутриутробно – ребенку, который еще не родился. Другое хирургическое вмешательство было сделано на сердце младенца, которому не исполнилось и суток. <...> таких операций в России пока не проводили»⁵.*

2. Стратегия управления критичностью восприятия

В нашей стране в постсоветское время из-за недофинансирования снизилось качество медицинских услуг. Многие люди перестали доверять врачам и стали лечить себя сами. Однако в последнее время ситуация, хоть и медленно, но стала меняться в лучшую сторону, и это нашло отражение в СМИ. Однако хвалебные тексты при современном уровне критического мышления населения, скорее всего, вызвали бы отторжение. Потому журналисты прибегают к таким тактикам подачи информации, которые бы позволяли верить написанному и начинать доверять отечественным врачам, методикам лечения и научным открытиям в области медицины.

Тактика фрагментации – описание события формируется из фактов, слухов, мнений, взятых из разных источников и направленных на то, чтобы читатель сделал однозначные выводы. Вдумчивый анализ содержания такой публикации мог бы показать алогичность некоторых фрагментов, но только при том условии, если читатель задается целью разобраться в проблеме. При отсутствии таковой материал выглядит как вполне объективный, так как привлечение разнородного материала создает иллюзию аналитичности, формируя в сознании читателя определенное мнение: *«Франция готовит закон об эвтаназии. На фоне протестов в стране задумались над легализацией «ассистированного самоубийства». Подобные разговоры идут в экспертной среде, в них принимают участие европейские чиновники. Тема эвтаназии может быть связана с зеленой повесткой и идеей о перенаселенности планеты – о чем говорят и на встречах Группы семи и на Давосском форуме. «Вместо того, чтобы помочь людям, лечить их, правительства размышляют об их умерщвлении. Не о развитии медицины и фармацевтики, а об уходе из жизни», – обращает внимание доктор политических наук, профессор СПбГУ Наталья Еремина»⁶.*

Тактика совместного рассуждения – имеет целью установить доверительные отношения с читателем, сократить психологическую дистанцию, сформировать подобие дружеских отношений. Журналист создает такой текст, в котором читателю предлагается совместно искать ответы на проблемные вопросы, потому нередко используется вопросно-ответная форма, вызывающая ощущение диалога: *«Заходите вы в свой личный кабинет на портале «Здоровье петербуржца» в раздел о прививках. С чувством глубокого удовлетворения хвалите себя за своевременную антиковидную вакцинацию. И вдруг брови ползут вверх: портал сообщает, что у вас пропущены прививки от дифтерии, столбняка, туберкулеза – надо было сделать два года назад. Вот вы в курсе, что от этих болезней положена ревакцинация? Это просто навскидку пример того, как должно работать «электронное здравоохранение» <...> Если гражданин забывчив / недисциплинирован, медицинская система должна напомнить о нем лечащему врачу. И уже тот позвонит человеку: приходите, проверьтесь»⁷.*

Тактика ссылки на авторитетный источник – вместо обширной доказательной базы приводится мнение уважаемого или высокопоставленного лица; например, в качестве доказательства действенности и безопасности отечественных медицинских разработок могут приводиться высказывания первых лиц государства, медицинских работников, причем нередко с указанием их должностей, званий и наград. Апелляция к мнению лица, которое прекрасно зарекомендовало себя в какой-либо области, сводит критику к минимуму, усиливает доказательную силу высказывания: *«Нерациональное использование антибиотиков, поддерживает выводы исследователей господин Козлов, может привести и к более серьезным проблемам – например, устойчивости (или резистентности) микробов*

⁴ Известия, 13.02.2023.

⁵ Российская газета, 23.04.2023.

⁶ Известия, 09.04.2023.

⁷ Ведомости, 07.07.2022.

к антибиотику»⁸.

Тактика исключения фактов – теоретический материал о том или ином феномене дробится на несколько составных частей, и в тексте публикации используется только та информация, которая подтверждает точку зрения автора. **«Столетние вирусы опровергают современную теорию. Нынешняя ОРВИ может быть вызвана вирусом – потомком «испанки».** Исследователи сравнили геномы столетней давности с геномами тех острых респираторно-вирусных инфекций, которые сейчас циркулируют в человеческой популяции. И обнаружили, что грипп H1N1, называемый также «свиным гриппом», – прямой наследник «испанки» начала прошлого века»⁹.

3. Стратегия создания «инфоповода»

«В России последних десятилетий сформировался рынок медицинских и здоровьесберегающих технологий и услуг: «производители», «продавцы», «посредники» и «покупатели» здоровья изменили привычные представления о значении основных понятий в этой сфере жизни» [9, с. 30]. Журналистика также столкнулась с вызовами консьюмеризма. Конечно, СМИ, взятые в качестве эмпирического материала исследования, показывают компетентность и ответственность журналистов. Однако для привлечения внимания к здоровью как ценности журналисты все же задействуют технологии, часто используемые специалистами в области рекламы и PR с целью создания позитивного отношения к товару, получения высокой вовлеченности аудитории в процесс формирования лояльности к бренду. Публикуя неподтвержденную, спорную или абсурдную информацию, авторы газетных статей пробуждают любопытство, привлекают внимание общественности и других СМИ к теме здоровья, формируют мнение и отношение, также в рекламных целях продвигают услуги какой-либо клиники.

Тактика мистификации – представляет вниманию читателя недостоверный материал, теории заговора, различные мистификации и т. д.; например, с завидной периодичностью в газетах появляются высказывания, отражающие теории искусственного возникновения коронавирусной инфекции или прогнозы о грядущих вспышках заболеваний: **«Вероятность того, что в следующем десятилетии может начаться пандемия, столь же смертоносная, как COVID-19, составляет 27,5%, поскольку вирусы возникают всё чаще»**, – говорится в материале. Как подчеркнуло агентство, этому способствуют, в частности, изменения климата, увеличение международных поездок, численность населения и угроза зоонозных заболеваний. Отмечается, что **эксперты в области здравоохранения уже начали готовиться к потенциальной пандемии»**¹⁰.

Тактика «нативной» рекламы – характеристика какого-либо товара, услуги, события или явления исключительно с положительной точки зрения с целью коммерческого продвижения; нередко тактика используется при описании достоинств какой-либо частной клиники для продвижения ее услуг на рынке: **«Участники рынка заявляют о стабильном спросе на коммерческие медуслуги. В клинике мужского и женского здоровья ОХУ-center это связывают со специализацией учреждения – здесь пациенты могут пройти комплексное обследование и лечение, направленные на борьбу с бесплодием при помощи вспомогательных репродуктивных технологий и консервативных методов»**¹¹.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современные СМИ активно обращаются к проблематике здоровья, делая его актуальным медийным трендом. Новая среда общения с читателем требует от журналиста особых умений, навыков и знаний для того, чтобы увеличивать убедительность и привлекательность информации о достижениях и проблемах медицины. Задачей журналиста становится не только донесение информации, но и влияния на отношение читателя к теме здоровья. Для этого используются следующие коммуникативные стратегии и тактики: стратегия провоцирования эмоциональных реакций (тактика сопоставления, поляризации, формирования напряженного эмоционального состояния, героизации), управления критичностью восприятия (тактика фрагментации, совместного рассуждения, ссылки на авторитетный источник, исключения фактов), создания «инфоповода» (тактика мистификации, «нативной» рекламы). Описанные стратегии и тактики отчетливо показывают, что журналисты заботятся об убедительности, привлекательности и доступности, той информации, которую транслируют аудитории, они разраба-

⁸ Коммерсантъ, 29.03.2023.

⁹ Коммерсантъ, 12.05.2022.

¹⁰ Известия, 14.04.2023.

¹¹ Коммерсантъ, 15.12.2022.

тывают инструментарий для эффективного представления проблем и достижений современной медицины. В ходе исследования подтвердилась идея о том, что выбор коммуникативных стратегий и тактик, который делает журналист при написании материала, находится в прямой зависимости от тематики журналистской публикации. Перспективы настоящего исследования мы видим в дальнейшем расширении и уточнении представленной номенклатуры коммуникативных стратегий и тактик в текстах о здоровье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Ю. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 25 с.
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986. С. 297–325, 421–423 (прим.).
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва : УРСС, 2002. 284 с.
4. Кажберова В. В., Князева М. Л., Петрова И. А. Этический кодекс для журналистов и блогеров в сфере общественного здоровья (опыт создания и анализ первых результатов) [Электронный ресурс] // Меди@льманах. 2022. №1 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskiy-kodeks-dlya-zhurnalistov-i-blogerov-v-sfere-obschestvennogo-zdorovya-opyt-sozdaniya-i-analiz-pervyh-rezultatov> (дата обращения: 28.04.2023).
5. Катенева И. Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ : на материале общественно-политических оппозиционных изданий : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 250 с.
6. Первухина С. В., Рудь Е. Е. Коммуникативно-ситуативный подход в изучении газетного дискурса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10. № 3. С. 10–20.
7. Серебрякова С. В., Милостивая А. И. Лингвистическое портретирование пандемии Covid-19 в прессе России и Германии // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 202–209.
8. Сяохун У. Речевые стратегии и тактики речевых актов-директивов в медиатекстах, освещающих кампанию по вакцинации от коронавируса [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-strategii-i-taktiki-rechevyh-aktov-direktivov-v-mediatekstav-osveschayuschih-kampaniyu-po-vaktsinatsii-ot-koronavirusa> (дата обращения: 07.05.2023).
9. Фролова Т. И., Стрига Е. А. Готовность российских журналистов к продвижению ценностей здорового образа жизни // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2020. № 3 С. 29–55.
10. Чернова О. Е. Теория коммуникации. Стратегии и тактики коммуникативного взаимодействия : учебное пособие. Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2020. 101 с.

O. E. Chernova (Magnitogorsk, Russia)

COMMUNICATION STRATEGIES AND TACTICS IN NEWSPAPER PUBLICATIONS ON HEALTH

Abstract. The scientific text of the article is devoted to the identification and description of communicative strategies and tactics of a newspaper discourse. The interest in the discourse is associated with the need for linguistic phenomena study in their close connection with communicative, social and cultural factors. The relevance of the research is explained by the necessity to clarify the scroll of newspaper discourse strategies and tactics as well as to describe the types of journalists' speech turns in publications devoted to a specific issue – health. Journalistic texts on health topic, taken from the most popular current periodicals were used as the research material: *Izvestia*, *Rossiyskaya Gazeta*, *Kommersant*, *Vedomosti*. The selection was made in the period of 2022-2023. To describe the speech turns of journalists, an algorithm for analyzing communicative strategies and tactics was developed and then applied. As a result of the research, the concepts of communicative strategy and communicative tactics were concretized, the issues newspaper articles were determined, the following strategies and tactics were characterized: the strategy of provoking emotional reactions (tactics of comparison, polarization, formation of a tense emotional state, heroization), management of critical perception (tactics of fragmentation, joint reasoning, references to an authoritative source, exclusion of facts), creating an "infopovod" info motive (tactics of hoax, "native" advertising). The study confirmed the idea that the journalist's communication strategies and tactics choice when writing a material directly depends on the subject of journalistic publication. The prospects of this study are seen in the further expansion and refinement of presented communicative strategies and tactics nomenclature in texts about health.

Keywords: newspaper discourse, communicative strategy, communicative tactics, health, journalism.

REFERENCES

1. Antonova Yu. A. Kommunikativnye strategii i taktiki v sovremennom gazetnom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, Ekaterinburg, 2007, 25 p.
2. Bakhtin M. M. Problema teksta v lingvistike, Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva, Moscow, Ikusstvo, 1986, pp. 297–325, 421–423 (prim.).
3. Issers O. S., Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi, Moskva, URSS, 2002, 284 p.
4. Kazhberova V. V., Knyazeva M. L., Petrova I. A., Eticheskii kodeks dlya zhurnalistov i blogerov v sfere obshchestvennogo zdorov'ya (opyt sozdaniya i analiz pervykh rezul'tatov) [Elektronnyi tekst], Medi@l'manakh, 2022, no. 1 (108), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskii-kodeks-dlya-zhurnalistov-i-blogerov-v-sfere-obshchestvennogo-zdorovya-opyt-sozdaniya-i-analiz-pervykh-rezultatov> (accessed 28 April 2023).
5. Kateneva I. G. Mekhanizmy i yazykovye sredstva manipulyatsii v tekstakh SMI : na materiale obshchestvenno-politicheskikh oppozitsionnykh izdaniy : dis. ... kand. filol. nauk, Novosibirsk, 2010, 250 p.
6. Pervukhina S. V., Rud' E. E. Kommunikativno-situativnyi podkhod v izuchenii gazetnogo diskursa, Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika, 2020, vol. 10, no. 3. pp. 10–20.
7. Serebryakova S. V., Milostivaya A. I. Lingvisticheskoe portretirovaniye pandemii Covid-19 v presse Rossii i Germanii, Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya, 2020, no. 2, pp. 202–209.
8. Syaokhun U. Rechevye strategii i taktiki rechevykh aktov-direktivov v mediatekstakh, osveshchayushchikh kam-paniyu po vaksinatcii ot koronavirusa [Elektronnyi tekst], Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2021, no. 7, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-strategii-i-taktiki-rechevykh-aktov-direktivov-v-mediatekstav-osveschayuschih-kampaniyu-po-vaksinatcii-ot-koronavirusa> (accessed 26 April 2023).
9. Frolova T. I., Striga E. A. Gotovnost' rossiiskikh zhurnalistov k prodvizheniyu tselestey zdorovogo obraza zhizni, Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika, 2020, no. 3, pp. 29–55.
10. Chernova O. E. Teoriya kommunikatsii. Strategii i taktiki kommuni-kativnogo vzaimodeistviya : uchebnoe posobie, Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. G. I. Nosova, 2020, 101 p.

Чернова О. Е. Коммуникативные стратегии и тактики в газетных публикациях о здоровье // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 2. С. 42–48.

Chernova O. E. Communication Strategies and Tactics in Newspaper Publications on Health, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no. 2, pp. 42–48.

Дата поступления статьи – 07.05.2023; 0,74 печ. л.

Сведения об авторе

Чернова Оксана Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск, Россия; ocher08@inbox.ru.

Author:

Oksana E. Chernova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University; Magnitogorsk, Russia; ocher08@inbox.ru.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК: 316.77:004.738.5

DOI:10.18503/2658-3186-2023-7-2-49-54

*А. М. Максимова (Магнитогорск Россия)***ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ИНФОРМАЦИОННОЙ ЗАМЕТКИ В НОВОСТНЫХ TELEGRAM-КАНАЛАХ**

Аннотация. В статье предпринята попытка зафиксировать изменения в производстве и дистрибуции новостного контента, проявляющиеся на фоне активного развития нового канала массовой коммуникации – мессенджера Telegram. Актуальность решаемой автором проблемы детерминирована повсеместным распространением мессенджеров типа Telegram и связанной с этим необходимостью изменения сложившихся профессиональных журналистских практик, необходимых для адаптации к новым условиям. В фокусе внимания находятся трансформации традиционного новостного жанра – информационной заметки. С целью выявления признаков процесса трансформации жанра информационной заметки автором проанализировано около 120 публикаций новостных Telegram-каналов, таких, как: «Раньше всех. Ну почти», «Осторожно, новости», «Varlamov News», «Пул №3» и др. Выявлено, что процессы жанрового преобразования подчиняются логике работы мессенджера и одновременно свидетельствуют об изменениях в восприятии медиаконтента. Полученные результаты могут представлять интерес для профессиональной аудитории, поскольку дают ключ к пониманию технологии создания новостей в новых условиях, что важно для специалистов СМИ, заинтересованных в освоении нового канала коммуникации и привлечении дополнительной аудитории.

Ключевые слова: журналистика, медиакоммуникация, smm, медиапотребление, мессенджер, информационная заметка, новостной контент.

Введение

В последние десятилетия медиаотрасль перманентно находится в ситуации фундаментальной трансформации, связанной с повсеместным внедрением технологий, предлагающих принципиально новые каналы для дистрибуции контента, ранее неизвестные способы создания произведений, формирующие иные, отличные от традиционных, условия потребления адресатом продукции СМИ. Для конечного потребителя изменения остаются как будто незаметными: аудитория довольно быстро принимает и осваивает новые форматы. Однако для профессионального медиасообщества задача оперативного реагирования на происходящее является крайне важной для понимания внутренних механизмов и новых принципов работы и внедрения их в профессиональную практику.

Социальные медиа (социальные сети, мессенджеры и мета-вселенные) сегодня являются основным источником получения оперативной информации о происходящем в мире. Как следствие, обнаруживает актуальность проблема изучения с целью последующего внедрения принципов создания контента для социальных медиа, отличающегося от традиционных практик журналистики. Актуальность проблемы подтверждается значительным количеством научных исследований по теме: о трансформации профессиональных практик в связи с появлением новых технологий и изменением стратегий медиапотребления пишут В.Ф. Олешко [14], Р.П. Баканов [1], О.С. Мухина [13]; феномен и проблематику социальных медиа изучают Ю. Будовская [4], В.И. Дудина [7], И.Г. Катенева [9]; особенности создания и дистрибуции медиаконтента исследуют Д.В. Соколова [16], О.В. Бондаренко [3] и другие. В предлагаемой статье отражены результаты нашей попытки обобщить имеющиеся исследования по теме, сосредоточив внимание на особенностях презентации новостной информации в одном из самых популярных на сегодня социальных медиа – мессенджере Telegram.

2. Основная часть**2.1. Изменение подхода к использованию мессенджера Telegram**

Суммарная аудитория русскоязычных telegram-каналов за 2022 год выросла вдвое – с одного до двух миллиардов пользователей [6]. Рост аудитории мессенджера связан, с одной стороны, с объективными процессами, происходящими в медиапространстве, в частности, с блокировкой нескольких популярных социальных сетей, и демонстрирует результаты поиска альтернативных площадок для общения и получения информации. С другой стороны, наблюдаемый рост может свидетельствовать об изменении предпочтений аудитории в части потребления новостного контента, и для представителей медиаотрасли это означает не просто изменение медиаландшафта, но и трансформацию новостных жанров и закрепление новой стратегии медиапотребления. Об этом свидетельствует, в частности, появление нового типа новостных telegram-каналов, не имеющих аналогов в традиционной системе СМИ.

До какого момента мессенджер Telegram рассматривался преимущественно как один из источников трафика на сайт. Исследователь Д.В. Соколова, изучавшая стратегии дистрибуции медиаконтента российскими изданиями в 2017 и 2018 г., пришла к выводу, что наиболее популярным типом сообщений в Telegram-каналах СМИ являются посты-анонсы: «Данные первого этапа исследования показали, что наиболее популярным способом передачи контента является сочетание текста с гиперссылкой на сайт издания (52 %). Вариативно могут быть добавлены фото (17 %) и эмодзи (23 %). Спустя год стратегия дистрибуции новостей претерпела некоторые изменения: увеличилось использование текста, ссылки и фото (21 %), но сократилась иллюстрация новостей с помощью эмодзи (10,3 %)» [9, с. 258]. Однако наблюдения показывают, что ситуация меняется: появляются Telegram-каналы, которые используются как самостоятельный (и подчас единственный) вариант трансляции контента. При этом отмечается и содержательная переориентация площадок. Ранее Telegram-каналы выступали как место, где собираются непроверенные данные, слухи, инсайды из мира политики или шоу-бизнеса, чему способствовал целый ряд факторов: отсутствие правовой схемы регулирования и регистрации, характерных для традиционных СМИ, возможность сохранять анонимность редакции. Подобные каналы журналисты нередко использовали для поиска актуальных информационных поводов: «Основная проблема содержания телеграмм-каналов – доверие. Поскольку многие политические каналы зачастую используются как “сливные бачки” для непроверенных “инсайдов”, журналисты начинают им доверять только после нескольких осуществившихся прогнозов» [3, с.171].

В новой ситуации появился целый пул новостных Telegram-каналов, претендующих на роль полноценного информационного агентства. По скорости передачи информации они опережают традиционные СМИ, что позволяет некоторым исследователем классифицировать их как «прото-СМИ» [10, с. 199]. Однако особенности функционирования мессенджера формируют специфику реализации информационной функции СМИ, что нагляднее всего проявляется в трансформации жанра заметки в новостных telegram-каналах.

2.2. Эмпирическая база исследования

Для выявления специфики презентации новостного контента нами были проанализированы материалы telegram-каналов «Раньше всех. Ну почти», Vaza, «Осторожно, новости», «Varlamov News», «Пул №3», вышедшие в эфир в марте и апреле 2023 года. Публикации изучались по следующим критериям:

- соответствие традиционной структуре информационной заметки;
- особенности выражения авторской позиции в отношении описываемых событий.

На начальном этапе исследования предполагалось, что специфика медиапотребления мессенджера накладывает определенные особенности на презентацию жанра информационной заметки. «Восприятие контента в “Телеграм” отличается от других платформ <...> Читатели <...> находятся в своеобразном приватно-публичном пространстве, а вся коммуникация пропускается через фрейм личной переписки. Иными словами, в “Телеграме” для ощущений читателя разница между сообщением от друга и постом из канала минимальна», – отмечают В. Круглов и М. Федотова [12]. Именно поэтому в критериях для анализа фигурирует авторская позиция, что не характерно для традиционного жанра информационной заметки.

2.3. Особенности жанра заметки в Telegram

В результате исследования были сформулированы следующие особенности презентации жанра в новостных telegram-каналах.

В первую очередь, особенности использования мессенджера, который пролистывается постоянно в течение дня, вынуждает авторов менять подход к подаче новостей. Редакции делают ставку на оперативность, а не на сбор всех известных деталей события. В результате каждая подробность, каждый новый комментарий становятся самостоятельным информационным поводом. Так, telegram-канал «Раньше всех. Ну почти» взрыв на железнодорожных путях в Брянской области «отработал» посредством восьми самостоятельных публикаций: сообщение о факте подрыва со ссылкой на неназванный источник¹, первые кадры с места событий от очевидцев², пост с уточненной локацией ЧП³,

¹В Брянской области неизвестные совершили подрыв железнодорожного полотна [Электронный ресурс]// Раньше всех. Ну почти [сайт]. URL: <https://t.me/bbbreaking/154368> (дата обращения 12.03.2023).

²Первые кадры с места подрыва ж/д путей в Брянской области показывает Shot [Электронный ресурс]// Раньше всех. Ну почти [сайт]. URL: <https://t.me/bbbreaking/154369> (дата обращения 12.03.2023).

³На железнодорожных путях в Брянской области сошли 20 вагонов, сообщает 112 [Электронный ресурс]// Раньше всех. Ну почти [сайт]. URL: <https://t.me/bbbreaking/154370> (дата обращения 12.03.2023).

комментарии официальных лиц по факту случившегося⁴ и так далее. Такому формату «разворачивания» события способствуют внутренние инструменты мессенджера, позволяющие делать ссылку-ответ на предыдущее событие.

Если говорить о традиционной структуре информационной заметки, то в telegram-каналах она существенно упрощается. Можно выделить несколько основных типов информационных публикаций.

1. Новость в формате хедлайна, состоящая из одного-двух предложений со ссылкой на источник. От традиционной заметки остается фактически только лидовый абзац, «тела» новости, а также бэкграунда нет; ср.:

Правительство отозвало из Госдумы законопроект о 30-процентном НДС для уехавших россиян для «технических уточнений» – пресс-служба кабмина / ТАСС⁵.

В начале февраля Роспатент зарегистрировал товарный знак «Грустно и точка» для одной из похоронных компаний; ее руководитель признал, что «это немножко на грани», «сделали про запас» – РБК⁶.

Запрет на запуск гражданских беспилотников вводится на территории Псковской области с 5 мая – губернатор⁷.

2. Публикация, сопровождающаяся фото- или видеоматериалом. Текст подобных заметок включает в себя от одного до четырех абзацев, что связано с ограничением мессенджера на количество символов, из которых может состоять описание к фотографии, видео или галерее. Несмотря на то, что логика построения подобных публикаций близка к структуре традиционной заметки, у них также отсутствует заголовок:

С 26 апреля сотрудников московского МЧС переводят на режим чрезвычайной ситуации. А работников МВД и Росгвардии – на усиленный режим.

По данным «Базы», руководство МЧС донесло до сотрудников, что с завтрашнего дня до 12 мая для них в столице вводится режим ЧС. Московские гарнизоны переводят на работу сутки через сутки и готовят технику для расчетов. Двух сотрудников выставляют для охраны. Также введены усиления и почасовые обходы территорий.

МВД и Росгвардия не вводят чрезвычайный режим, однако сотрудников этих ведомств переводят на усиленный режим, который продлится до 10 мая. Для сотрудников режим усиления обычно представляет из себя график 24/7 без выходных и отпусков.

Возможно, режим ЧС и усиления связаны с праздником 9 Мая. Сегодня же стало известно, что в связи с проведением Парада Победы примерно на те же даты закроют Красную площадь (с 27 апреля по 10 мая)⁸.

Отличительная черта новостных заметок исследуемых каналов – подчеркнутое авторское начало. Если в традиционной заметке позиция автора не предполагала быть отчетливо обозначенной, то новостные telegram-каналы ищут яркую, подчас провокационную подачу. Это находит выражение в активном использовании риторических вопросов, аллюзий на популярные интернет-мемы (на уровне цитат и иллюстраций)⁹, эмодзи; ср.: «Правило №1: плоти налоги. Правило №2: смотри правило №1»¹⁰, – так заканчивается новостная заметка о том, что в России будет проведена серия семинаров

⁴ Вмешательство посторонних лиц в работу железнодорожного транспорта привело к сходу локомотива и вагонов грузового поезда в Брянской области – РЖД [Электронный ресурс] // Раньше всех. Ну почти [сайт]. URL: <https://t.me/bbbreaking/154371> (дата обращения 12.03.2023), В районе ж/д станции Снежетьская сработало неустановленное взрывное устройство, подтверждает глава Брянской области Богомаз [Электронный ресурс] // Раньше всех. Ну почти [сайт]. URL: <https://t.me/bbbreaking/154372> (дата обращения 12.03.2023).

⁵ Правительство отозвало из Госдумы законопроект о 30-процентном НДС для уехавших россиян для «технических уточнений» – пресс-служба кабмина ТАСС [Электронный ресурс] // VarlamovNews [сайт]. URL: https://t.me/varlamov_news/40467 (дата обращения 12.03.2023).

⁶ В начале февраля Роспатент зарегистрировал товарный знак «Грустно и точка» для одной из похоронных компаний [Электронный ресурс] // VarlamovNews [сайт]. URL: https://t.me/varlamov_news/40510 (дата обращения 12.03.2023).

⁷ Запрет на запуск гражданских беспилотников вводится на территории Псковской области с 5 мая — губернатор [Электронный ресурс] // Раньше всех. Ну почти [сайт]. URL: <https://t.me/bbbreaking/154512> (дата обращения 12.03.2023).

⁸ С 26 апреля сотрудников московского МЧС переводят на режим чрезвычайной ситуации [Электронный ресурс] // Vaza [сайт]. URL: <https://t.me/bazabazon/17165> (дата обращения 12.03.2023).

⁹ В Киеве состоялись укро-марсианские переговоры [Электронный ресурс] // Пул №3 [сайт]. URL: <https://t.me/dimsmirnov175/46962>, Ким Чен Ын изучает потенциального противника [Электронный ресурс] // Пул №3 [сайт]. URL: <https://t.me/dimsmirnov175/47005> (дата обращения 12.03.2023).

¹⁰ Бизнесменов из новых российских территорий научат жить в России [Электронный ресурс] // Vaza [сайт]. URL: <https://t.me/bazabazon/17017> (дата обращения 12.03.2023).

для интеграции предпринимателей из ЛНР и ДНР в бизнес-сообщество; «*Наши люди на шашлыки на такси ездят*»¹¹ – резюме заметки о новом сервисе оператора пассажироперевозок; «*В страховой сильно удивятся: В Белгороде сняли с крыши «Пятерочки» машину, которую туда закинуло взрывной волной*»¹².

Эмодзи, к слову, часто используются в качестве аналога рубрикатора. Так, важные новости помечаются эмодзи «восклицательный знак»¹³, актуальные – эмодзи «молния»¹⁴, эксклюзив – эмодзи «огонь» и т.д.

Заключение

Проведённый анализ позволяет заключить, что в настоящий момент новостные telegram-каналы формируют новый тип информационного сообщения, который содержательно строится по типу новостной заметки: упор на фактологическую информацию, «перевернутая пирамида», ответ на традиционные вопросы «что? где? когда?», но при этом, с точки зрения структуры, эти сообщения значительно упрощаются – сокращается объем, вплоть до одного предложения, исчезает заголовок и бэкграунд. Одновременно обозначаются и новые жанровые признаки. В частности, в новостных telegram-каналах признаётся нормой активное проявление в новостной заметке авторской позиции. Наблюдаемые изменения связаны прежде всего с особенностями восприятия контента: постоянное потребление новостей в течение дня, соответственно, отсутствие возможности и желания читать объемные тексты; минимальная дистанция между редакцией (автором информационной заметки) и читателями, восприятие процессов коммуникации через фрейм личной переписки и одновременно возможность сохранения полной анонимности авторов заметок. Кроме того, на формат публикаций накладывают отпечаток технические особенности работы мессенджера: ограничение по количеству символов, что только закрепляет стремление к лаконичности, возможность сделать ссылку-ответ на ранее вышедшие сообщения, что исключает необходимость формулировать развернутый бэкграунд новости, возможность оперативно получать обратную связь от читателей посредством реакций и комментариев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баканов Р. П. Интернет-издания Республики Татарстан в борьбе за внимание аудитории в современном изменяющемся медиаландшафте // Медиа-2022: теория и практика: к 150-летию МПГУ : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 03 марта 2022 года /под общей ред. Т. Н. Владимировой, В. А. Славиной, Н. В. Кодола. Москва : Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 149–154.
2. Болдина К. А. Виды русскоязычных медиа на платформе Telegram // Медиа в меняющемся мире: проблемы изучения и преподавания : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. кафедры журналистики, Нижний Новгород, 10 марта 2021 года. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 109–115.
3. Бондаренко О. В. Телеграмм-каналы как новый вид коммуникации с общественностью // Век информации. 2018. № 2-2. С. 170–172.
4. Будовская Ю. Эгоизм как движущая сила пользовательской активности в социальных медиа и социальных сетях // Социальная политика и социальное партнерство. 2010. № 11. С. 57–63.
5. Горбатов Д. С. Приемы пропаганды в новостных интернет-мемах мессенджера Телеграм // Власть. – 2021. Т. 29, № 3. С. 26–35.
6. Демидкина К. Аудитория русскоязычных каналов в Telegram выросла вдвое за 2022 год [Электронный ресурс] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/483954-auditoria-russkoazycnyh-kanalov-v-telegram-vyroslo-vdvoe-za-2022-god> (дата обращения: 12.03.2023)

¹¹Майские праздники уже на носу – а значит приближается время традиционных поездок с рассадой на дачу и с шашлыками на природу [Электронный ресурс] // Vaza [сайт]. URL: <https://t.me/bazabazon/17194> (дата обращения: 12.03.2023).

¹²В страховой сильно удивятся: В Белгороде сняли с крыши «Пятерочки» машину, которую туда закинуло взрывной волной [Электронный ресурс] // Пул №3 [сайт]. URL: <https://t.me/dimsmirnov175/47009> (дата обращения: 12.03.2023).

¹³Глава Минэнерго Турции Фатих Донмез сообщил в воскресенье, что в ближайшее время следует ожидать важную новость об обнаружении в стране новых запасов нефти [Электронный ресурс] // Раньше всех. Ну почти [сайт]. URL: <https://t.me/bbbreaking/154241> (дата обращения: 12.03.2023).

¹⁴Два украинца с поддельными документами запустили неизвестный дрон в московском районе Южное Бутово, сообщает Shot [Электронный ресурс] // Раньше всех. Ну почти [сайт]. URL: <https://t.me/bbbreaking/154242> (дата обращения: 12.03.2023).

7. Дудина В. И. Влияние социальных медиа на восприятие рисков здоровью в период эпидемий // Цифровое общество - новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития : материалы Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2020 года. Санкт-Петербург : ООО «Скифия-принт», 2020. С. 403–404.
8. Иванов А. Д. Чат-бот в Telegram и ВКонтакте как новый канал распространения новостей // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 1, № 3. С. 126–132.
9. Катенева И. Г. Социальные медиа как объект исследования (рубрика «Социальные сети» журнала «Русский репортер») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 6. С. 81–90.
10. Коноплев Д. Э. Telegram как новая среда коммуникации в СМИ и соцсетях // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 3(25). С. 19–200.
12. Круглов В., Федотова М. SMM в Телеграме: что учитывать, чтобы не запороть канал [Электронный ресурс] // SMMplanner blog. 2023. URL: <https://smmplanner.com/blog/osobiennosti-smm-v-tielieghramie-cto-vazhno-uchityvat-cto-by-nie-zaporot-kanal> (дата обращения: 12.03.2023)
13. Мухина О. С. Психологические особенности гражданской и внештатной журналистики цифровой эпохи // От идеи к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде : сб. науч. трудов Всероссийской научной конференции, Новосибирск, 24–25 марта 2021 года / отв. ред. В. В. Петров. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2021. С. 200–204.
14. Олешко В. Ф. Сквозные цифровые технологии: диапазон возможностей современных массмедиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 3. С. 564–585.
15. Сапрыкин Ю. Мы будем читать это в мессенджерах и часах [Электронный ресурс] // МедиаПрофи. URL: <http://mediaprofi.org/mastership/journalism/item/2465> (дата обращения: 13.03.2023)
16. Соколова Д. В. Трансформация стратегий дистрибуции новостного контента в мессенджере Telegram // Век информации. 2018. № 2-1. С. 257–258.

A. M. Maximova (Magnitogorsk, Russia)

TELEGRAM CHANNELS AS A TYPE OF MEDIA: TRANSFORMATION OF INFORMATION NOTE GENRE

Abstract. The article attempts to record changes in the production and distribution of news content, which are manifested against the background of the active development of a new mass communication channel - the Telegram messenger. The urgency of the problem solved by the author is determined by the ubiquity of instant messengers such as Telegram and the associated need to alter the established professional journalistic practices necessary to adapt to new conditions. The focus is on the transformation of the traditional news genre - an informational note. In order to identify signs of the process of transformation of the information note genre, the author analyzed about 120 publications of Telegram news channels, such as: “Before all. Well, almost”, “Caution, news”, “Varlamov News”, “Pool No. 3”, etc. It was revealed that the processes of genre transformation obey the logic of the messenger and at the same time indicate changes in the perception of media content. The results obtained may be of interest to the professionals, since they provide a key to understanding the technology of news creation in new conditions, which is important for media experts interested in mastering a new communication channel and attracting an additional audience.

Keywords: journalism, media communications, smm, media consumption, messenger, informational note, news content.

REFERENCES

1. Bakanov R. P. Internet-izdaniya Respubliki Tatarstan v bor'be za vnimanie auditorii v sovremen-nom izmenyayushchemsya medialandshafte, Media-2022: teoriya i praktika: k 150-letiyu MPGU : materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moskva, 03 marta 2022 goda, pod obshchei red. T. N. Vladimirovoi, V. A. Slavinoi, N. V. Kodola, Moscow, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2022, pp. 149–154.
2. Boldina K. A., Vidy russkoyazychnykh media na platforme Telegram, Media v menyayushchemsya mire: problemy izucheniya i prepodavaniya, sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. kafedry zhurnalistiki, Nizh-nii Novgorod, 10 marta 2021 goda, Nizhniy Novgorod, Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N.I. Lobachevskogo, 2021, pp. 109–115.
3. Bondarenko O. V., Telegramm-kanaly kak novyyi vid kommunikatsii s obshchestvennost'yu, *Vek informatsii* [Information Age], 2018, no. 2-2, pp. 170–172.
4. Budovskaya Yu., Egoizm kak dvizhushchaya sila pol'zovatel'skoi aktivnosti v sotsial'nykh media i sotsial'nykh setyakh, *Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo* [Social Policy and Social Partnership], 2010, no. 11, pp. 57–63.
5. Gorbatov D. S. Priemy propagandy v novostnykh internet-memakh messendzhera Telegram, *Vlast'*, 2021, vol. 29, no. 3, pp. 26–35.

6. Demidkina K. Auditoriya russkoyazychnykh kanalov v Telegram vyrosla vdvoe za 2022 god [Elektronnyi tekst], Forbes, URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/483954-auditoria-russkoazychnykh-kanalov-v-telegram-vyrosla-vdvoe-za-2022-god> (accessed 12 March 2023).
7. Dudina V. I., Vliyanie sotsial'nykh media na vospriyatie riskov zdorov'yu v period epidemii, Tsifrovoye obshchestvo - novyi format sotsial'noi real'nosti: struktury, protsessy i tendentsii razvitiya: materialy Vseros. nauch. konf., Saint Petersburg, 12–14 noyabrya 2020 goda. Saint Petersburg, OOO «Skifiya-print», 2020, pp. 403–404.
8. Ivanov A. D., Chat-bot v Telegram i VKontakte kak novyi kanal rasprostraneniya novostei, Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva, 2016, vol. 1, no. 3, pp. 126–132.
9. Kateneva I. G., Sotsial'nye media kak ob'ekt issledovaniya (rubrika «Sotsial'nye seti» zhurnala «Russkii reporter»), Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya, 2017, vol. 16, no. 6, pp. 81–90.
10. Konoplev D. E., Telegram kak novaya sreda kommunikatsii v SMI i sotssetyakh, Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya, 2017, no. 3(25), pp. 19–20.
12. Kruglov V., Fedotova M., SMM v Telegram: chto uchityvat', chtoby ne zaporot' kanal [Elektronnyi tekst], SMMplanner blog, 2023, URL: <https://smmplanner.com/blog/osobiennosti-smm-v-tielieghramie-chto-vazhno-uchityvat-chtoby-nie-zaporot-kanal> (accessed 12 March 2023).
13. Mukhina O. S., Psikhologicheskie osobennosti grazhdanskoj i vneshtatnoj zhurnalistiki tsifrovoi epokhi, Ot idei k praktike: sotsiogumanitarnoe znanie v tsifrovoi srede : sb. nauch. trudov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Novosibirsk, 24–25 marta 2021 goda / otv. red. V. V. Petrov, Novosibirsk, Novosibirskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet, 2021, pp. 200–204.
14. Oleshko V. F., Skvoznye tsifrovye tekhnologii: diapazon vozmozhnostei sovremennykh massmedia, Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki, 2022, vol. 11, no. 3, pp. 564–585.
15. Saprykin Yu., My budem chitat' eto v messenzherakh i chasakh [Elektronnyi tekst], MediaProfi, URL: <http://mediaprofi.org/mastership/journalism/item/2465> (accessed 12 March 2023).
16. Sokolova D. V., Transformatsiya strategii distributsii novostnogo kontenta v messenzhere Telegram, *Vek informatsii* [Information Age], 2018, no. 2-1, pp. 257–258.

Макимова А. М. Трансформация жанра информационной заметки в новостных telegram-каналах // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 2. С. 49–54.

Maximova A. M. Telegram Channels as a Type of Media: Transformation of the Genre of Information Note, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no. 2, pp. 49–54.

Дата поступления статьи – 04.05.2023; 0,65 печ. л.

Сведения об авторе

Макимова Альбина Муратжановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, институт гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия; Yusupova88@yandex.ru

Author:

Albina M. Maximova –Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; Yusupova88@yandex.ru.

А. А. Осипова (Магнитогорск, Россия)

«УЧИТЕЛЬ! ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ ПОЗВОЛЬ СМИРЕННО ПРЕКЛОНИТЬ КОЛЕНИ...»: С. А. ЩУЛЕПНИКОВ – ПЕДАГОГ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ, ЭНТУЗИАСТ

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся педагогу XX столетия С. А. Щулепникову, который приехал в Магнитогорск в 1930-е гг. и работал как в средних школах, так и в Магнитогорском государственном педагогическом институте. Большое внимание Щулепников уделял просветительской деятельности: проводил в школах литературно-музыкальные вечера, организовывал драматические кружки, читал лекции по истории театра; первый в городе начал преподавать студентам и школьникам мировую художественную культуру; создавал симфонический оркестр. Лично был знаком с Ф. И. Шаляпиным, о котором оставил воспоминания, опубликованные впоследствии в отдельной книге. В них артист представлен в несколько ином, непривычном ракурсе. С. А. Щулепников много лет общался с известной писательницей Ф. А. Вигдоровой и стал прототипом героя-учителя ее повести «Мой класс», которая переводилась на многие языки мира; с поэтессой Н. Г. Кондратовской, писателем Н. П. Вороновым. С. А. Щулепников испытал на себе арест и ссылку и, хотя был дворянского происхождения, всегда оставался верным идеалам коммунистической партии. В годы войны он дал более ста концертов в госпиталях; им прочитано более 250 лекций на разные темы в цехах, школах, дворцах культуры. Будучи в преклонном возрасте, неустанно продолжал вести просветительскую деятельность. Имя этого замечательного человека было незаслуженно забыто, и наша цель – сохранить память об уникальных людях, всецело посвятивших себя становлению культуры и образования в г. Магнитогорске.

Ключевые слова: С. А. Щулепников, педагогика, идеология, история педагогического образования, просветительская деятельность, Магнитогорск.

Как много имен талантливых педагогов, отдававших себя без остатка делу воспитания, образования, радеющих за процветание культуры, со временем стирается из общей истории, забываются их подвиги. В этой статье хочется обратиться к яркой личности, сыгравшей большую роль в становлении педагогического образования в г. Магнитогорске. Речь пойдет об известном некогда в городе учителе – Щулепникове Сергее Александровиче (1890–1958).

Род Щулепниковых дворянский, но сам Сергей Александрович писал, что не стал типичным представителем дворянско-аристократической среды, что может объясняться смешением дворянских кровей с крепостной кровью крестьянки, каковой была его бабушка Олимпиада Ивановна. Еще до революции С. А. Щулепников получил образование в Императорском училище правоведения (г. Санкт-Петербург) и до 1918 г. работал по специальности. После революции имение Щулепниковых Утешное было разграблено и там образовалась с/х коммуна, которой руководить поставили самого бывшего помещика – отца С.А. Щулепникова (это был уникальный случай в истории России). Бывший барин и его крестьяне вместе трудились и сколотили довольно крепкое хозяйство.

Разносторонне развитый человек (еще в детстве отец зародил в своих детях горячую любовь к театру, он сам ставил для них домашние пьесы и сам тщательно готовил декорации к ним), Сергей Александрович играл на фортепиано и, например, исполнял оперу «Евгений Онегин», оперы П. И. Чайковского и М. И. Глинки без нот; многие произведения русских классиков – «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, пьесы А. Н. Островского – читал наизусть. Он был лично знаком с Ф. И. Шаляпиным, с которым дружил до отъезда певца за границу. В 2022 г. вышла его книга «Шаляпин в усадьбе Утешное» [3], где автор опубликовал мемуары о встречах с Федором Ивановичем на своей даче, на концертах, за кулисами театра, а также в домашней обстановке в Москве и Петербурге. Доподлинно известно, что у Ф. И. Шаляпина был скверный характер: не проходило и дня, чтобы он с кем-то не поссорился, не любил прощать, о России говорил: «В этой стране жить нельзя». Но в мемуарах С. А. Щулепников представил образ этого человека совершенно иным: «Ф. И. гостил по 3-4 дня и поражал всех своей простотой. Ходили слухи о его придиричivosti,

неумении себя вести, нарушении чуть ли не элементарных приличий и т.д. В Утешном Ф. И. был живым опровержением всего этого вздора. Днем он помогал накладывать сено на воза, а по вечерам садился за пианино и без всякой нашей просьбы долго пел, сам себе аккомпанируя» [2, с. 114]. «Неприличные выходки» Шаляпина Щулепников объяснял поведением самой публики: то требованием исполнить комические «Песню о блохе» или «Семинариста» сразу после романса Э. Грига «Легенда» или «Заклинания огня» из оперы Р. Вагнера (Ф. И. Шаляпин возмущался: «Я им сейчас полжизни отдал, а они “Блоху” орут, сволочи!») [3, с. 14-15]), то стяжательством метрдателей, увеличивающих счета за ужин Ф. И. Шаляпина в несколько раз. Артист сокрушался, что такова психология русского обывателя.

По совету А. В. Луначарского, которого С. А. Щулепников знакомил с живописными волжскими местами, он сменил юриспруденцию на преподавательскую работу. В 1918–1925 гг. читал обществоведение в с/х институте, с/х техникуме и школе 2-й ступени. Он постоянно вовлекал учащихся в общее дело просветительства, разрабатывая новые методы преподавания. Вел кружки широкой направленности, выступал с публичными лекциями и докладами для широкого круга слушателей, состоял заведующим внешкольным подотделом и политпросветом по всеобщей и русской истории и политграмоте. В 1922–1923 гг. избирался членом правления совета по народному образованию. Культпросветработа выражалась и в постановке концертов, спектаклей. С 1929 г. работал в г. Вельске Северного края, где также вел преподавательскую деятельность и организовывал творческие мероприятия.

В Магнитогорск семья Щулепниковых попала благодаря жене Сергея Александровича – Софье Михайловне (она заведовала одним из отделений больницы), которой надоело жить в глуши. Она написала письма на новостройки в Караганду и в Магнитогорск, последний ответил приглашением. В 1932 г. Софья Михайловна с сыном приехала в город. Сергей Александрович прибыл чуть позже – в 1933 г. и устроился работать корректором в газету «Магнитогорский рабочий», а затем по направлению горно в школу № 12 учителем русского языка и литературы. По совету учителя школьники написали письмо М. Горькому с просьбой прислать его произведения, т.к. в новой школе очень маленькая библиотека, и вскоре пришли две посылки с книгами, где адрес был написан характерным почерком писателя. В сентябре 1933 г. в «Магнитогорском рабочем» появилась заметка «Два урока», в которой журналист давал высокую оценку Сергею Александровичу как педагогу, который должен всего себя отдавать любимому делу. Но уже в феврале 1934 г. в той же газете была помещена информация о том, что педсовет засорен классово-чуждыми элементами, среди которых числился и Щулепников – бывший дворянин. В апреле 1934 г. он был арестован. Сохранилась его записка из тюрьмы: «Знаю, что как учитель всегда работал честно, проводя линию партии. Это сознание будет всегда. И оно очень важно. Происхождение и служба в 1913–1917 годах объективно против меня. Пусть высылка будет исторически неизбежным наказанием всего класса. Лес рубят – щепки летят <...> Р. С. Челюскинцы каждый час могли быть раздавлены на льдине! Мне ли унывать!!!» [2, с. 146]. Освобожден был Сергей Александрович благодаря своей жене (известному в городе врачу-фтизиатру), дошедшей до Наркома Просвещения А. С. Бубнова. Тюрьму заменили ссылкой. В город он вернулся в 1937 г., когда в НКВД ему выдали справку об отмене решения и прекращении дела, и, обладая феноменальной памятью, экстерном сдал все экзамены в пединституте за три недели (а ведь ему уже было 46 лет!). Преподавал в школах № 31 и № 8. С 1944 по 1949 гг. работал старшим преподавателем кафедры литературы МГПИ, с 1945 по 1947 гг. был деканом этого факультета.

В годы войны С. А. Щулепников дал более ста концертов в госпиталях, декламируя художественные произведения, играя на скрипке; им было прочитано более 250 лекций на разные темы в цехах, школах, дворцах культуры. Был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После войны был одним из организаторов симфонического оркестра, ставшего позднее государственным (под управлением С. Г. Эйдинова), и его лектором многие годы. Перед началом концертов звучало вступительное слово Сергея Александровича, а затем он в составе оркестра исполнял свою партию на скрипке.

С. А. Щулепников проводил в школах литературно-музыкальные вечера, организовывал драматические кружки, читал лекции по истории театра, писал рецензии на спектакли в «Магнитогорский рабочий». В МГПИ Сергей Александрович преподавал русскую литературу XIX в. Его эрудиция позволяла ему без труда заменять других преподавателей и вести занятия по античной литературе, истории, французскому и немецкому языкам. Он первый в городе начал читать студентам и школьникам мировую художественную культуру. Когда началась борьба с космополитизмом, С. А. Щулепникова обвинили в преклонении перед западной литературой и лишили права препода-

вать этот предмет. Он был уволен под предлогом, что не имеет степени кандидата наук, отлучен от преподавания литературы и русского языка. Последние годы в школе № 30 он вел только немецкий язык.

Известный педагог, журналист, писатель Фрида Абрамовна Вигдорова очень тепло относилась к Щулепникову. В 1950 г. она написала о своих первых учительских годах повесть «Мой класс» и прислала ее своему другу и коллеге Сергею Александровичу, который стал прообразом учителя Анатолия Дмитриевича. Эта первая повесть Ф. А. Вигдоровой переиздавалась, была переведена на многие языки, в том числе японский. О С. А. Щулепникове собиралась написать магнитогорская поэтесса Н. Г. Кондратовская, но не успела...

Писатель Н. П. Воронов говорил о С. А. Щулепникове: «Его забыть невозможно! Я учился у него в МГПИ и захотел стать писателем <...> Сергей Александрович – это кладезь знаний, доброты, культуры, врожденного оптимизма...» [2, с. 148].

С 1934 по 1958 гг. в городе не было ни одной школы, где бы не выступал С. А. Щулепников с лекциями на самые разные темы из области литературы, музыки, театра, истории... Даже будучи на пенсии, он продолжал служить идеям просветительства.

Благодаря чуткости родственников С. А. Щулепникова свято сохраняется память о нем. И хотя имя его и вехи судьбы по чьей-то оплошности или просто за давностью лет не нашли отражения в энциклопедии Магнитогорского государственного университета «Люди, дела, традиции», увидела свет книга об этом замечательном человеке (вышла в 2022 г.). Она включает три произведения: «От дворянского гнезда до коммуны» – неоконченные мемуары С. А. Щулепникова; «От высокоблагородия до товарища» – документы и воспоминания родственников автора; «Первый просветитель Магнитки» – документы и воспоминания ветеранов Магнитогорска об уникальном учителе [2]. Университет сердечно благодарен потомкам Сергея Александровича за предоставленные материалы о нем, за возможность познакомиться с биографией неординарного, талантливого, образованнейшего человека, жившего и работавшего в нашем городе Магнитогорске. Отныне его имя прочно войдет в историю педагогического образования Магнитки.

Хочется в заключение привести пронзительные слова правнука С. А. Щулепникова А. Гитермана: «... он живет в памяти учеников, удивляющихся ему до сих пор, и снова умирает с уходом помнящих его из жизни. У смерти много этапов. Но он не растворится в последнем из них, потому что войдет с избранными в символ, в вечный образ учителя» [1, с. 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гитерман А. «Удивляйтесь как можно дольше» // Магнитогорский рабочий. 17.01.1998. С. 7.
2. Щулепников С. А. От дворянского гнезда до коммуны. Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати, 2022. 160 с.
3. Щулепников С. Шалапин в усадьбе Утешное. Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати, 2022. 36 с.

A. A. Osipova (Magnitogorsk, Russia)

«BEFORE YOUR NAME, THE TEACHER, LET ME BEND THE KNEE...» : S. A. SHCHULEPNIKOV – TEACHER, EDUCATOR, ENTHUSIAST

Abstract. The article deals with an outstanding teacher of the 20th century S. A. Shchulepnikov, who came to Magnitogorsk in the 1930s and worked both in secondary schools and at the Magnitogorsk State Pedagogical Institute. Shchulepnikov paid a lot of attention to educational activities: he organized literature and musical evenings at schools, drama clubs, gave lectures on History of Theater; he was the first in the city who began to teach World Art Culture to students and schoolchildren; created a symphony orchestra. He was personally acquainted with F. I. Chaliapin and left memories about him published in the book later. In that book Chaliapin was represented in a slightly different and unusual foreshortening. For many years S.A. Shchulepnikov communicated with the famous writer F. A. Vigdorova and became the prototype of her book character – a teacher in the story "My Class". The book was translated into many languages. S. A. Shchulepnikov knew poetess N.G. Kondratkovskaya, writer N.P. Voronov. He experienced the arrest and exile. Although, Shchulepnikov came from the upper class, he always remained true to the ideals of the Communist Party. During the war years, he gave more than a hundred concerts in hospitals; gave more than 250

lectures on various issues in factories workshops, schools, culture centers. Being elderly, he continued to carried out his educational activities. The name of this outstanding person was forgotten unjustly, and our goal is to keep the memory of the unique people who devoted themselves to culture and education establishment in Magnitogorsk.

Keywords: S. A. Shchulepnikov, pedagogy, ideology, history of pedagogical education, educational activities, Magnitogorsk.

REFERENCES

1. Giterman A. «Udivljajtes' kak možno dol'she», Magnitogorskij rabochij, 17.01.1998, p. 7.
2. Shhulepnikov S. A. Ot dvorjanskogo gnezda do kommuny, Magnitogorsk, Magnitogorskij Dom pechati, 2022, 160 p.
3. Shhulepnikov S. Shaljapin v usad'be Uteshnoe, Magnitogorsk, Magnitogorskij Dom pechati, 2022, 36 p.

Осипова А. А. «Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени...»: С. А. Щулепников – педагог, просветитель, энтузиаст// Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 21. С. 55–58.

Osipova A. A. «Before Your Name, the Teacher, let Me Bend the Knees...»: S. A. Shchulepnikov – Teacher, Educator, Enthusiast, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no. 2, pp. 55–58.

Дата поступления статьи – 07.06.2023; 0,38 печ. л.

Сведения об авторе

Осипова Александра Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Научно-исследовательского института исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Россия; osashenka@yandex.ru.

Author:

Aleksandra A. Osipova, Candidate of Philology, Senior Researcher at the Research Dictionary Laboratory of the Research Institute of Historical Anthropology and Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; osashenka@yandex.ru.

